

Р. Ш. ГАНЕЛИИ

ПОПЫТКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

На протяжении периода домонополистического капитализма экономические связи России со странами Латинской Америки, возникшие с самого начала независимого существования этих стран, были незначительны, а предпринимаемые с обеих сторон попытки их укрепления и расширения, иногда активные, не носили систематического характера.

В процессе расширения и увеличения мирового товарообмена в период перехода к империализму оживилась и эта линия международной торговли. Однако развитие непосредственных экономических связей между этими странами, не входящими в число высокоразвитых в промышленном и торговом отношениях капиталистических держав, в конечном счете было сорвано гегемонией «великих» держав в мировой торговле. В этом сказалась колониалистская политика монополий ведущих империалистических держав, которая заключалась в сосредоточении в их руках всей мировой торговли и судоходства — не только между «передовыми» и «отсталыми» странами, но и между самими «отсталыми».

* * *

К 90-м годам XIX в. Россия поддерживала торговые отношения лишь с Бразилией, общий объем внешней торговли которой был наивысшим в Латинской Америке. Объем русско-бразильской торговли был невелик. Главную статью ввоза в Россию из Бразилии составлял хлопок, которого в 1889 г. было ввезено около 100 тыс. пуд. Затем шли кофе, привозившийся, однако, главным образом при посредничестве Англии и Германии, кожи, красящие вещества. Общая стоимость непосредственного ввоза из Бразилии в Россию была временами более 1 млн руб. (1276 тыс. — в 1889 г. и 1448 тыс. — в 1890 г.). Объем русского вывоза в Бразилию, состоявшего в основном из пшеницы, был примерно раз в пять меньше ввоза.¹

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 3, 20.

В течение 80-х годов промышленное развитие Бразилии достигло некоторых успехов, несмотря на противодействие английских торговцев и промышленников, с одной стороны, и бразильских плантаторов, естественных противников протекционизма, — с другой. К концу 80-х годов в стране было около 600 предприятий с общим числом рабочих свыше 50 тыс. человек и капиталом в 25 млн ф. ст.² Общий объем внешней торговли при пятнадцатимиллионном населении составлял 240 млн долл.³ Вывоз из Бразилии, несколько превышавший ее ввоз, состоял из сырьевых колониальных товаров, ввоз — из промышленных изделий и зерна. Понятно поэтому, что эти сдвиги в бразильской экономике привели к усилению экономического натиска капиталистических держав на Бразилию и к обострению борьбы между ними за господство в ее внешней торговле.

Особенно способствовало этому крушение монархии в результате военного переворота 1889 г. и провозглашение республики. Иностраный капитал принимал самое активное участие в сопровождавшем провозглашение республики урагане биржевой спекуляции вокруг природных богатств страны.⁴ За этим последовала полоса банкротств и некоторый отлив иностранного капитала, но в конечном итоге его проникновение в бразильскую экономику лишь углубилось, а вмешательство в экономическую жизнь усилилось.

Господствующей силой в бразильской внешней торговле оставалась Англия, на долю которой приходилось около половины бразильского ввоза. Используя Бразилию как рынок для своих промышленных изделий, Англия поддерживала свой экспорт в Бразилию на уровне, в десять раз большем, чем импорт.

Иным было положение, которое занимали в бразильской торговле США. На их долю приходилась половина бразильского вывоза — около 60 млн долл. в год, а ввозили они в Бразилию всего на 8 млн долл.⁵ Это положение полностью соответствовало экономическим возможностям США к концу 80-х годов, но многочисленные и активные сторонники развертывания империалистической экспансии в среде американских дельцов и политиков уже требовали превращения Латинской Америки, и в частности Бра-

² В. Н. Hunnicutt, *Brazil: world frontier*. New York—London—Toronto, 1949, стр. 211—212.

³ *Handbook of the American republics*, 2nd edition, Bureau of American Republics, Bulletin № 11, February, 1891, стр. 69. Прадо оценивает внешний торговый оборот этого периода в 50 млн ф. ст., что примерно соответствует указанной сумме в долларах (см.: Кайо П р а д о Ж у н и о р. *Экономическая история Бразилии*. М., 1949, стр. 212).

⁴ За год с лишним после провозглашения республики капитал бразильских компаний возрос почти в 4 раза (П р а д о, *ук. соч.*, стр. 234).

⁵ *Handbook of the American republics*, стр. 69.

зилии, в рынок сбыта для промышленности США. «Американские государственные деятели видят, что естественная отдушина для избытка изделий Соединенных Штатов должна быть найдена в Южной и Центральной Америке», — писал генеральный консул США в Бразилии Армстронг.⁶

Его преемник Доккер в марте 1890 г. писал в государственный департамент из Рио-де-Жанейро: «Здесь великолепный рынок для наших изделий, все — в нашу пользу для того, чтобы контролировать его, если будут сделаны надлежащие усилия».⁷

Отмечая слабость позиций США в борьбе с их европейскими конкурентами,⁸ американские дипломаты предлагали компенсировать ее завоеванием специальных привилегий для американской торговли в Бразилии. Привилегии эти могли быть получены в форме торгового соглашения, с заключением которого Армстронг предлагал госдепартаменту поторопиться. «Обрабатывающая промышленность Бразилии, — писал он, — находится еще в младенческом состоянии, но она растет с каждым днем... и, возможно, уже через несколько лет растущие промышленные интересы этой страны наберут достаточную силу, чтобы не допустить заключения торгового соглашения».⁹ Призывы эти находили горячий отклик в Вашингтоне, особенно у государственного секретаря Блэйна, известного экспансиониста, инициатора активной политики империалистического проникновения США в страны Латинской Америки. После созванного им в 1889 г. первого пан-американского конгресса США резко усилили свое экономическое давление на латиноамериканские страны.¹⁰ В следующем 1890 г. конгресс США принял, как известно, крайне протекционистский таможенный тариф Мак-Кинли. Это была победа промышленных кругов республиканской партии, которые одновременно под видом

⁶ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress, 1889—1890. Consular reports, стр. 221.

⁷ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress 1889—1890. Consular reports, vol. XXXIII, стр. 36.

⁸ Наиболее в те годы распространенная и влиятельная одна из старейших латиноамериканских газет «Панама стар энд геральд» («Panama Star and Herald») объясняла неудачи торговцев-япки в их настойчивом стремлении к завоеванию латиноамериканских рынков их неумелостью и слабой приспособляемостью к местным условиям (Handbook of the American Republics. Bureau of the American Republics Bulletin № 1, January, 1891, стр. 140).

⁹ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress, 1889—1890, Consular reports, стр. 222.

¹⁰ Одно из решений панамериканского конгресса, сообщенное президентским посланием конгрессу США, предусматривало создание между-пародного Американского банка с центром в Нью-Йорке и с отделениями в странах Латинской Америки с целью вытеснения европейского капитала в них американским (Senate Executive Documents, I Session 51 Congress, 1889—1890, vol. 11, Ex. Doc. 129, стр. 1).

борьбы с избытком государственных доходов провели в своих же интересах освобождение от таможенного обложения ввоза чая, кофе, кожи и сахара.¹¹ Страны, ввозившие в США эти товары, получали, казалось бы, некоторые выгоды, главная часть которых перешла, впрочем, крупным торговым фирмам США, контролировавшим их ввозную торговлю. Блэйн немедленно воспользовался создавшейся ситуацией в интересах развития экономической экспансии США. По его настоянию конгресс ввел в тариф Мак-Кинли специальный параграф (§ 3), который давал президенту право без согласия конгресса восстанавливать пошлины на сахар, чай, кофе и кожи из тех стран, правительства которых не предоставят льгот для товаров, ввозимых в них из США.¹² Блэйн получил тем самым инструмент для слома тарифных барьеров торгующих с США стран. Соглашения о таможенных льготах были заключены в Америке с Бразилией, Сан-Доминго, Сан-Сальвадором, Никарагуа, Гватемалой, Коста-Рикой и Гондурасом.

В переговорах с Бразилией Блэйн применил «трюк с переодением» — причем не новый в практике отношений США со странами колониального и полуколониального типа. Он поручил ведение предварительных переговоров в Рио-де-Жанейро со стороны США бразильскому дипломату Сальвадору Мендонса, который как бразильский делегат на панамериканском конгрессе был ему лично известен. Затем, когда предварительные переговоры были окончены, — сообщал в Петербург советник русской миссии Богданов, — Мендонса был назначен бразильским посланником в Вашингтон, где произвел официальный обмен нотами с Блэйном уже как представитель Бразилии. Блэйн имел, таким образом, дело со своим собственным агентом в качестве представителя иностранной державы.¹³ Соглашение, заключенное в форме обмена нот 31 января 1891 г.,¹⁴ давало Соединенным Штатам Америки ряд очень значительных преимуществ.

Все важнейшие статьи ввоза из США в Бразилию — зерно, мясо, рыба, уголь, машины разных видов, металлоизделия, железнодорожные материалы и т. п. — были вовсе освобождены от обложения ввозными пошлинами, прочие — получали скидку в размере 25%.¹⁵ По данным, сообщенным Блэйном президенту

¹¹ Фолькнер. История народного хозяйства САСШ. М., 1932, стр. 423.

¹² Советник русской миссии в Бразилии Богданов обстоятельно сообщает об этом в Петербург, см.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 66—68.

¹³ Там же, л. 15.

¹⁴ Ноты эти были в США тогда же опубликованы в «Foreign relations of the U. S. A.» (1891) и в «Brazil. Bureau of the American Republics Bulletin № 7» (June, 1891), но, разумеется, без всякого упоминания о превращениях Мендонса.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 11—13.

США Гаррисону по его требованию, ввоз США в Бразилию по статьям, затронутым соглашением, составлял до его заключения лишь $\frac{1}{10}$ общего ввоза Бразилии по этим статьям.¹⁶ В Вашингтоне рассчитывали, что уничтожение тарифного барьера резко изменит положение в пользу США.

Как отмечал в своем донесении советник русской миссии в Бразилии Богданов, Бразилия явилась первой страной, над которой американской дипломатии удалось установить «промышленно-торговую гегемонию, которой штаты пытались добиться над американскими республиками Вашингтонским конгрессом 89-го года».¹⁷ Последующие события показали, что победа, одержанная американской дипломатией, отнюдь не была окончательной, но мнение Богданова вполне точно отражало наиболее распространенную оценку современников.

Богданов сообщал в Петербург, что молодая бразильская буржуазия проявляла «сильное недовольство» договором с США. В учредительном собрании, открывшемся в ноябре 1890 г., возникли по этому поводу горячие прения. Недовольство это усиливалось благодаря тому, что многие отрасли молодой бразильской промышленности, попавшей под удары североамериканской конкуренции, были однородны североамериканским. Сильно страдали, разумеется, и интересы фиска.¹⁸

Торговля Бразилии с Европой, как представлялось европейским торговым кругам, была договором с США подсечена под корень. Особенно усилилась конкуренция США в хлебном деле. Бразилия, которая была одним из главных рынков для хлебного экспорта Австро-Венгрии, оказалась теперь для него закрытой. Торговая палата Триеста обратилась к австро-венгерскому правительству с требованием сделать при поддержке других европейских правительств специальное представление бразильскому правительству.¹⁹ Возникшая в европейских торговых кругах паника ввела вопрос о южноамериканской торговле в поле зрения русского министра финансов И. А. Вышнеградского. Активизация борьбы держав в Латинской Америке, новые приемы этой борьбы, сильный натиск США привлекли к себе внимание этого русского министра, которому, в отличие от его преемника Витте, вообще была еще чужда активная внешняя экономическая политика пародавшего империалистического типа. Он лишь придерживался двух традиционных принципов, состоявших в поддержании

¹⁶ Brazil. Bureau of the American Republics, Bulletin № 7, June, 1891, стр. 118—119.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 15.

¹⁸ Там же, лл. 14—15.

¹⁹ Донесение русского консула в Триесте А. Колемина от 23 мая 1891 г.: там же, лл. 7—8.

протекционистского таможенного тарифа и содействии хлебному вывозу.²⁰

Всего за два года до того, в 1889 г., Вышнеградский, вопреки мнению Министерства иностранных дел, весьма холодно отнесся к неоднократно повторявшимся предложениям Венесуэлы о заключении торгового трактата.²¹ Министерство иностранных дел указывало на «вероятное оживление в непродолжительном будущем вод Центральной Америки», на пребывание в Париже в качестве венесуэльского посланника бывшего президента генерала Блакко, «весьма популярного в своей стране деятеля», готового вместе с русским послом в Париже подписать трактат, проект которого был русским министерством иностранных дел уже разработан. Но Вышнеградскому по протекционистским соображениям (а он из них только и исходил) новые торговые договоры были не пужны. Наоборот, Министерством финансов был поднят вопрос о новом, протекционистском тарифе и пересмотре в связи с этим старых договоров. Вопрос о предлагаемом Венесуэлой договоре Вышнеградский до этого пересмотра и предлагал отложить. Лишь после повторного настойчивого обращения Министерству иностранных дел удалось добиться согласия Вышнеградского на переговоры с Венесуэлой, исход которых нам неизвестен.

Совсем иначе повед себя Вышнеградский в 1891 г. в вопросе о торговле с Бразилией. Небольшой русский хлебный вывоз в Бразилию должен был теперь, по его мнению, совершенно прекратиться вследствие нарушения в пользу США права наибольшего благоприятствования, которым на основах взаимности пользовалась русская торговля в Бразилии. А Вышнеградский как раз в это время был очень озабочен мерами содействия хлебному экспорту. Он рассматривал его расширение как средство улучшения торгового баланса и увеличения золотого запаса с целью повышения курса рубля. Некоторое повышение курса вследствие этого произошло, но оно, в свою очередь, оказалось причиной падения доходов от экспорта хлеба, так как при переводе в рубли они теперь уменьшились. В этих условиях приобретал значение хлебный вывоз и в Бразилию. И Вышнеградский дважды, в мае и в августе 1891 г., возбуждал перед Министерством иностранных дел вопрос о том, чтобы добиться для русского экспорта

²⁰ П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. II. Харьков, 1900, стр. 5, 513—514.

²¹ «Правительство Венесуэльской республики, — писал министр иностранных дел Гирс Вышнеградскому 11 мая 1889 г., — неоднократно заявляло через представителей наших в Париже о желании своем вступить с Россией в более близкие торговые сношения и в этих видах заключить соответствующий торговый трактат, отвечающий интересам обоих государств» (ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 11, л. 1).

в Бразилии осуществления права наиболее благоприятствуемой нации.²²

В качестве основания для представления перед бразильским правительством Вышнеградский выдвигал то обстоятельство, что, несмотря на дискриминационные условия для русского ввоза в Бразилию по сравнению с американским, бразильский ввоз в Россию облагается наравне с товарами из других стран, несмотря на отсутствие договора.²³ Агент Министерства финансов в Вашингтоне М. В. Рутковский, посланный в поездку по всей Южной Америке для выяснения перспектив развития ее торговли с Россией, сообщал, что только заключение торгового договора о праве наибольшего благоприятствования между Россией и Бразилией может спасти их торговые связи от полной ликвидации под натиском торговой экспансии США.²⁴

Но теперь роли переменялись. Возражало Министерство иностранных дел. Правительство России все еще продолжало не признавать Бразильскую республику, что исключало всякую возможность непосредственных торговых переговоров.

Когда же русско-бразильские дипломатические отношения были возобновлены, русская миссия в Рио-де-Жанейро весной 1893 г. сообщала, что и Англия, и Франция, и Германия, и Австро-Венгрия потерпели неудачу в своих попытках добиться для себя в Бразилии прав наиболее благоприятствуемой нации.²⁵ В этих условиях русская дипломатия также не имела шансов на заключение договора.

Скоро, однако, экспансионистские круги США постигла неудача в борьбе за захват бразильской торговли. Победившие на выборах в конгресс США в 1892 г. демократы провели введенный в действие с августа 1894 г. менее протекционистский тариф Вильсона—Гормана.

Используя появившуюся теперь перспективу дефицита в бюджете, плантаторы и сахарозаводчики добились восстановления пошлин на ввоз сахара. Тем самым правительство США лишалось важнейшей возможности таможенных репрессий против других стран. Третий параграф закона Мак-Кинли, потерявший теперь смысл, прекратил свое существование вместе со всем законом. Как откровенно заявил посланнику США Томпсону генеральный директор бразильского Министерства иностранных дел виконт Кабу-Фриу, обложение в США бразильского сахара лишь обрадовало бразильское правительство, дав предлог для разрыва согла-

²² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 2—3, 17—18.

²³ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 3, д. 151-а, л. 21.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 61.

²⁵ Там же, л. 19.

шения с США. Так велико было недовольство им в Бразилии.²⁶ Бразильское правительство немедленно депонировало свое соглашение с США от 1891 г., и с 1895 г. американская торговля в Бразилии лишилась своих привилегий.

Хотя за время действия соглашения Соединенным Штатам так и не удалось расширить свою торговлю с Бразилией²⁷ (опасения европейских торговых кругов оказались преувеличенными), американская дипломатия сейчас же начала борьбу за заключение нового торгового договора для подчинения бразильской торговли интересам американского капитала. Как отмечал Рутковский, в этой борьбе широко использовалось военное и политическое влияние США в западном полушарии, в частности «вмешательство военного флота Соединенных Штатов во время восстания в Рио-де-Жанейро»²⁸ и поддержка Бразилии печатью США в вопросе о захвате Англией Тринидада.²⁹ Уже в октябре того же 1895 г. корреспондент «Нью-Йорк геральд» сообщил из Рио-де-Жанейро, что посланник США Томпсон ведет с правительством Бразилии переговоры о новом торговом договоре.³⁰ Но на сей раз это было не так просто. Сказывался рост недоверия и антипатий к США в южноамериканских государствах, особенно усилившийся после венесуэльского кризиса, использованного Соединенными Штатами для расширения своего влияния на всем американском континенте.³¹ Как сообщал секретарь русской миссии в Бразилии А. Греггер, диктаторский характер вмешательства США в конфликт между Англией и Венесуэлой вызвал недовольство в общественном мнении Бразилии. «Бразильские газеты, — отмечал он, — единодушно провозглашают, что присвоение Соединенными Штатами права вмешательства есть прямое посягательство на верховные права на независимость южноамериканских республик».³²

Вместе с Чили и Аргентиной Бразилия отказалась участвовать в общеамериканском конгрессе, намеченном на 10 августа

²⁶ Foreign relations of the U. S. A. 1894: 3 Session, 53 Congress, стр. 78.

²⁷ См. доклад посланника США в Бразилии Томпсона от 23 ноября 1896 г.: Commercial relations 1895—1896, 2 Session, 54 Congress, стр. 135—136.

²⁸ Восстание это было поднято в 1893 г. бразильским военным флотом и так называемой республиканской партией против установления диктатуры Пейкото, преемника Фоссеки, руководителя заговора 1889 г. Специально посланные к бразильскому побережью военные суда США активно выступали против сил инсургентов (Foreign relations of the U. S. A. 1893. 2 Sess. 53 Cong., стр. 51, 72, 117).

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 69—70.

³⁰ Там же.

³¹ Подробно об этом см. в нашей статье «Доктрина Оли и ее фальсификация в американской историографии» (Вопросы истории, 1951, № 7).

³² АВПР, ф. канц., 1896 г., д. 150, л. 122.

1896 г.,³³ на котором дипломатия США предполагала сделать важный шаг к установлению своего влияния на дела континента.

Натиск США на южноамериканские республики в торговой сфере вызывал в них особенно сильное недовольство. Специальная комиссия, созданная в США для изучения путей торговой экспансии в Южной Америке, прибывшая в Аргентину, была встречена в Южной Америке, по словам русского посланника в Аргентине и Бразилии Гирса, «хладнокровно».³⁴ Бразильское правительство в этих условиях приняло новую политику в области внешней торговли. С одной стороны, оно рекомендовало законодательным палатам заключение торговых договоров с южноамериканскими государствами, а с другой — объявило о прекращении действия всех договоров с европейскими странами и США, а также о своем отказе от переговоров с ними о заключении таких договоров.

Политика эта была обусловлена как реакцией против экономического натиска США; так и потребностями внутривнутриполитического характера. Борьба федерального бразильского правительства против сепаратистских тенденций и партикуляризма отдельных штатов, естественно, находила выражение и в вопросе о таможенном обложении. Согласно конституции единственной статьёй доходов федерального правительства были ввозные пошлины, сумма которых при активном торговом балансе была значительно меньше суммы вывозных. Последние же составляли доход штатов. Торговые договора с заграницей были в этих условиях, конечно, невыгодны федеральному правительству, особенно потому, что заключением их оно лишило бы себя права повышать ввозные пошлины. В основе этого лежало отсутствие единого национального рынка.³⁵

Между тем ввоз в Россию из Бразилии с начала 90-х годов стал несколько возрастать, достигнув в 1893 г. почти 4 млн руб., а в 1896 г., несмотря на резкое падение в 1895 г., превысив 3 млн. В 1897 г. впервые стал играть существенную роль в этом ввозе каучук, которого было ввезено 13 тыс. пуд. Кофе было в том же году ввезено 27 тыс. пуд. против 5 тыс. в 1894 г.³⁶ Большая часть бразильского кофе завозилась в Россию, однако, через посредство европейских торговых компаний. Ввоз его в Одессу непосредственно из Бразилии в 1894 г. был в 100 раз меньше, чем в Триест, Гамбург или Лондон.³⁷

³³ Там же, л. 64.

³⁴ Там же, л. 62.

³⁵ P. Denis. Brazil. London, 1911, стр. 133.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 60.

³⁷ 1894. Retrospecto commercial do «Journal do Commercio». Rio de Janeiro, 1895, стр. 17.

Положение это отнюдь не было результатом случайного стечения обстоятельств. Крупные торговые фирмы Германии, Англии, Франции, монополизировавшие торговлю бразильским кофе, сознательно не допускали прямой связи Бразилии с теми иностранными рынками, где цена на кофе была несколько выше.³⁸ Россия была одним из таких рынков, и хотя ее интересы страдали от этого в меньшей степени, нежели интересы Бразилии, переплата за кофе и другие статьи ввоза была относительно велика.

Но главное было в тех новых явлениях, которые развились в 90-х годах в области внешней экономической политики царизма, безраздельно руководимой Витте. Широко привлекая иностранный капитал в русскую промышленность, Витте одновременно впрок искал для нее рынки, преимущественно в колониальных странах Востока, стремился всемерно расширить русскую внешнюю торговлю с самыми различными странами. Он исходил при этом из совершенно фантастического расчета на то, что русский капитал, усилившись и развившись с помощью иностранного, со временем вытеснит его из промышленности и торговли. В течение 1893—1896 гг. были заключены торговые договоры с Францией, Германией, Австро-Венгрией, Испанией, Данией, Японией и Португалией. В марте 1895 г. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов запросил генерального консула в Буэнос-Айресе, «какие русские товары, в каком количестве и по каким путям доставляются в Аргентинскую республику, а равно с произведениями каких стран приходится им выдерживать конкуренцию. . . какие виды имеются на дальнейшее расширение сбыта наших товаров в Аргентинскую республику».³⁹ Запрос касался также конкуренции аргентинской сельскохозяйственной продукции с русской на рынках третьих стран. А в мае 1897 г. Витте в письме к министру иностранных дел М. Н. Муравьеву предложил заключить торговый договор с Бразилией на определенный срок или бессрочно по типу недавно заключенных договоров.⁴⁰

Буквально в те же самые дни вопрос о торговых отношениях с Россией был поднят правительством Чили. Чилийский посланник в Италии и Германии Сюберказо через русских послов в Риме и Берлине сделал предложение об отмене русским правительством пошлин на ввоз чилийской селитры. За это чилийское правительство обещало облегчения для развития русского ввоза в Чили, в частности керосина.⁴¹ К ноябрю 1898 г. Сюберказо перешел в Петербург проект торгового договора, предлагая открыть

³⁸ Прадо, ук. соч., стр. 236.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 32, лл. 1—2.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 74—75.

⁴¹ Нота Сюберказо Нелидову 8/20 мая 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 53, л. 2.

переговоры о его заключении.⁴² Никаких сведений о судьбе чилийского предложения у нас нет. Что же касается договора с Бразилией, то такая возможность открылась лишь через два года, когда стремление к его заключению было проявлено и с бразильской стороны.

Порочный круг, в котором оказалась бразильская экономика, ощущался в эти годы с особой силой. Монокультура кофе придавала ей уродливо односторонний характер. Крайняя узость внутреннего рынка, связанная с нищетой населения, препятствовала развитию национальной промышленности. Это усиливало позиции иностранного капитала, отдавая в его руки, кроме бразильского вывоза, и бразильский ввоз. В 1896 г., используя рост производства кофе и свой контроль над его вывозом, иностранные капиталисты добились снижения цен на него до 50%. Импонируя отсутствие спроса, они выгодно спекулировали на всем экспорте страны.⁴³ Недопущение кофе на рынки с устойчивой ценой на него имело для них теперь особое значение. Вызванная всем этим угроза фипансовой катастрофы в 1898 г. привела к усилению иностранной зависимости Бразилии, заставив ее правительство заключить на крайне тяжелых условиях соглашение с английскими банкирами об отсрочке причитающихся им платежей и взять заем у Ротшильда в 8.5 млн ф. ст. под гарантию таможенных доходов страны.⁴⁴

Естественно, что всякое расширение торговых связей страны имело в этих условиях для правящих кругов Бразилии большое значение. Так возник вопрос о торговом договоре с Россией. Торговля с Россией имела для Бразилии некоторые особенности, исключаящие возможность возникновения каких-либо отношений зависимости, подобных тем, которые существовали у Бразилии с европейскими державами и возникали с США. К этим особенностям относились, в частности, незначительность объема русско-бразильской торговли, особенно русского ввоза в Бразилию, и отсутствие у России каких-либо инвестиций в этой стране. Более того, установление непосредственных торговых отношений с Россией могло бы в какой-то мере содействовать ослаблению иностранной зависимости Бразилии.

Вырвать из рук иностранных торговых компаний русский рынок для сбыта кофе — важно было для Бразилии и само по себе. Но гораздо важнее было создание прецедента прямых торговых

⁴² Ламздорф — Витте 13 ноября 1898 г.: там же, л. 3.

⁴³ Подсчет, произведенный управляющим русским консульством в Рио-де-Жанейро А. Вольфом, показывает, что несколько крупных иностранных фирм монополизировали $\frac{1}{5}$ вывоза через этот порт (Сборник консульских донесений 1899 г., вып. VI, стр. 527).

⁴⁴ П р а д о, ук. соч., стр. 216, 226, 236.

отпошений со страной — потребительницей кофе, означавшее некоторый подрыв монополии иностранных посредников. Кроме того, однотипность ряда статей в бразильской торговле как с Россией, так и с США (ввоз пшеницы) могла до некоторой степени помочь Бразилии успешнее отражать торговый натиск Соединенных Штатов.

По-видимому, эти соображения в какой-то мере учитывались бразильским правительством, когда министр иностранных дел Олинто Магальянс, ранее бывший бразильским посланником в России, в беседе с управляющим русской миссией в Бразилии в июле 1899 г. вдруг заговорил о желательности прямого пароходного сообщения между Россией и Бразилией и установления непосредственной торговли между ними. Когда же его собеседник заметил, что бразильское правительство отрицательно относится к заключению торгового договора с Россией, Магальянс заявил, что тот ошибается, ибо заключение такого договора не встретит со стороны Бразилии никаких препятствий.⁴⁵ Витте и Муравьев, узнав об этом, уже в сентябре выработали основания договора с Бразилией, которые предусматривали не только взаимное право наибольшего благоприятствования, но и особые льготы для бразильского ввоза в Россию, — если бы Бразилия этого пожелала, — в обмен на соответствующие облегчения для русского ввоза в Бразилию.⁴⁶

Витте предполагал в марте 1900 г. командировать в Рио-де-Жанейро Рутковского для ведения переговоров о договоре, но завязка этих переговоров состоялась не в 1900 г., а в следующем 1901 г.

Дипломатия США к этому времени возобновила попытки вернуть своей торговле в Бразилии преимущества, которыми она пользовалась по договору 1891 г. и которых лишилась с его отменой в 1894 г. Посланник США в Рио-де-Жанейро повел переговоры об этом с бразильским правительством. Но бразильское правительство, как сообщил Витте Рутковский, уклонилось от заключения торгового договора.⁴⁷ Не исключено, что Магальянс, который, как и президент Бразилии Кампос Саллес, стремился, по словам русского посланника Шпейера, увеличить экспорт в Россию кофе и каучука, видел в завязанных им переговорах с Россией некоторое средство противодействия натиску Соединенных Штатов, которым было явно невыгодно предоставление права наибольшего благоприятствования в Бразилии кому бы то ни было. Министр финансов Муртиньо, «главный член правитель-

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 80.

⁴⁶ Там же, лл. 81—82.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 3, д. 151-а, л. 19; ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 127

ства», как называл его Шпейер, стоял, однако, на позиции полного отрицания торговых договоров, которой придерживался и конгресс.⁴⁸

Позиция эта, возникающая как известная реакция против внедрения иностранного капитала и торговой экспансии США в стране, была, разумеется, крайне наивным средством отражения американского натиска в условиях все усиливавшейся зависимости Бразилии от иностранного капитала. И Витте в Петербурге отлично понимал это с помощью той международной империалистической логики, которая была ему столь присуща. Сообщение Рутковского о неудаче США в переговорах о новом торговом договоре с Бразилией ничуть не поколебало его уверенности в том, что США будут продолжать свои усилия и в конечном счете добьются своего. «Правительство Соединенных Штатов, — писал Витте министру иностранных дел Ламздорфу 15 мая 1901 г., — находится в исключительно выгодных условиях для заключения торгового трактата с Бразилией, так как оно получает около $\frac{2}{3}$ сбора кофе (примерно на 100 миллионов долларов ежегодно), составляющего главный продукт производства Бразилии, а в политическом отношении оказало уже, как известно вашему сиятельству, значительные услуги бразильскому правительству в подавлении революционного движения около 6 лет тому назад. Ввиду такого исключительного положения и агрессивной торговой политики Соединенных Штатов, нет сомнения, что при первой возможности правительство этого государства возобновит переговоры и при этом несомненно окажет давление на правительство Бразилии, как и в 1891 г., чтобы добиться по возможности исключительных для себя уступок».⁴⁹

Исходя из этого, Витте и считал «весьма существенным озаботиться возможно скорейшим заключением договора с Бразилией», не дожидаясь возобновления попыток со стороны США, понимая, что после удаче США в заключении договора они не допустят распространения своих исключительных прав по ввозу в Бразилию на другие страны.

Говоря об «агрессивной торговой политике Соединенных Штатов», Витте, по-видимому, имел в виду дискриминационное обложение в США русского сахара, вынудившее его как раз в 1901 г. ввести ответную отмену таможенных льгот для машин и металлоизделий, ввозимых из США в Россию. Таможенный конфликт с США несомненно усиливал решимость Витте добиться заключения соглашения с Бразилией.

⁴⁸ Там же, лл. 137—139.

⁴⁹ Там же, л. 127.

За образец для договора с Бразилией Витте предлагал принять русско-японский договор о торговле и мореплавании 1895 г.⁵⁰

Как и другие торговые договоры, заключенные Россией в 90-х годах, русско-японский договор предусматривал распространение на договаривающуюся с Россией страну пониженных ставок конвенционного тарифа, введенного в России наряду с автономным (максимальным). Право наибольшего благоприятствования получало теперь, таким образом, весьма реальное содержание.

Проектировавшееся соглашение обладало для Бразилии двойной выгодой. Бразильский ввоз в Россию получил бы право наибольшего благоприятствования фактически почти что безвозмездно, так как русский ввоз в Бразилию был по сравнению с ним совершенно незначителен и к нему и без того применялся минимальный тариф. А открытие русского рынка для бразильского кофе с устранением «посредников» могло бы принести существенную пользу бразильской экономике. Магальянс и Кампос Саллес, который на протяжении своей бытности президентом проявлял постоянную заботу о расширении внешней торговли страны,⁵¹ к этому и стремились.

Был уже составлен проект всеподданнейшего доклада Витте с просьбой о разрешении начать переговоры с Бразилией,⁵² русский финансовый агент в Вашингтоне Рутковский должен был выехать в Бразилию для участия в переговорах, но в это время русский посланник в Рио-де-Жанейро Шпейер, которому Ламздорф поручил еще раз позондировать почву, телеграфно сообщил 24 июня 1901 г., что бразильское правительство воздерживается от заключения договора. В своих депешах от 4,17 и 25 июня он объяснял, что в Рио-де-Жанейро восторжествовала линия сторонников отказа от всяких торговых договоров.⁵³

Прочитав эти депеши, Витте по своему обыкновению сейчас же взвалил вину за некоторый афронт на одного из своих подчиненных — Рутковского; как будто Рутковский, а не сам Витте, явился инициатором переговоров о договоре. «Я думаю, что г. Рутковский напрасно поднял этот вопрос. Этот договор будет иметь последствием только его путешествие», — язвительно написал он, хотя было ясно, что Рутковский никуда не поедет.⁵⁴

Как констатировал Шпейер, русский ввоз в Бразилию от отсутствия соглашения совершенно не страдал, так как к нему по-

⁵⁰ Текст его см.: Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927, стр. 98—102.

⁵¹ Brazil. Ed. by L. F. Hill, Univ. of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1947, стр. 81.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 129.

⁵³ Там же, лл. 134, 136—139.

⁵⁴ Там же, л. 135.

прежнему применялся минимальный тариф (максимальный вводился в Бразилию лишь в качестве ответной репрессии, для которой в данном случае не было оснований). А главное, ввоз этот был очень невелик. Иначе обстояло дело с бразильским ввозом в Россию, несколько более значительным по объему. Но и он был фактически целиком сосредоточен в руках крупных иностранных фирм, которые могли в силу этого поднимать продажные цены не только на кофе, но и на другие бразильские товары. Русский рынок для этих товаров при этом искусственно сужался, но прибыли посредников росли.⁵⁵

Бразилия несла в результате этого довольно серьезные экономические потери на русском рынке, которых помогло бы избежать установление непосредственных связей с Россией.

Не прошло и трех лет, как осуществилось предположение Витте о том, что не прекращавшийся натиск США на Бразилию увенчается их успехом. В апреле 1904 г. бразильское правительство предоставило двадцатипроцентную скидку с ввозных пошлин для ввозимой из США муки и ряда других товаров (в том числе и для изделий из каучука, вывозимого Соединенными Штатами из Бразилии).⁵⁶ Хотя мера эта и была объявлена временной, она наносила серьезный ущерб английским инвестициям в стране, так как англичане владели в Бразилии большими мукомольными предприятиями, перерабатывавшими привозимое из США зерно. Пострадала и Аргентина, главный конкурент США в сбыте хлеба на бразильском рынке, протесты которой некоторое время удерживали бразильское правительство от уступок Соединенным Штатам, и Уругвай, также ввозивший муку в Бразилию. В меньшей степени был затронут хлебный ввоз из Австро-Венгрии. Уступки, сделанные Соединенным Штатам по ввозу других товаров, были, по словам Шпейера, «особенно тягостны для Франции и Германии, а также и для некоторых других стран».⁵⁷ Франция сразу же поставила вопрос перед бразильским правительством о распростра-

⁵⁵ Современники бразильцы различали среди них «спекулянтов, неогциантов-спекулянтов и просто неогциантов». Не в силах догнать своих европейских конкурентов в борьбе за захват бразильского импорта, американцы старались не отстать от них в борьбе за контроль над экспортом страны. Бразильский специалист по кофейной торговле Ласерда отмечал в 1897 г. «невероятные действия» торговых фирм США, использующих «малейшие инциденты для оказания давления на рынок», устраивающих «настоящие ловушки» для бразильской торговли (С. М. Delgado de Carvalho. *Le Brésil méridional (étude économique)*. Paris, 1940, стр. 175—176).

⁵⁶ Донесение русского посланника в Бразилии Шпейера 17/30 апреля 1904 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 142. Первоначально бразильское правительство под влиянием требований США пыталось предоставить им даже 40%-ю скидку, но этому воспрепятствовал бразильский конгресс.

⁵⁷ Там же, л. 147.

нении на французский ввоз льгот, предоставленных американскому.

На сей раз дипломатии США удалось добиться новых уступок Бразилии, используя ее острые противоречия с Перу из-за части территории Акре. Угроза вмешательства США в бразильско-перуанский спор, с точки зрения бразильского правительства, могла быть устранена лишь новыми уступками в пользу американской торговли. По-видимому, американская дипломатия ловко поддерживала эту точку зрения, если не подсказала ее, так как поверенный в делах США в Рио-де-Жанейро Томас Доусон после опубликования декрета бразильского правительства о предоставлении таможенных льгот США был, по словам Шейера, «почтарски» награжден назначением на только что учрежденный пост посланника США в Доминиканской республике. Это были годы, когда «дипломатия доллара» стала главным содержанием латиноамериканской политики США, и государственный секретарь Рут, выступая в ноябре 1906 г. на торговом конгрессе в Канзас-сити, наметил программу широкого экономического проникновения США в Латинскую Америку путем вывоза туда американских капиталов. Но при этом дипломатия США не забывала и о вывозе товаров. Добиваясь неоднократного продления сроков действия льгот для экспорта США в Бразилию (1906 и 1907 гг.), она стремилась придать им фактически постоянный характер. Противоречия между Бразилией и Аргентиной достигли вследствие этого крайней остроты. Началась газетная война между ними, раздавались угрозы таможенной и даже настоящей войной.⁵⁸

На протяжении первого десятилетия XX в. никаких самостоятельных связей с Латинской Америкой Россия так и не имела. Помимо экономической стороны дела, зависимость от иностранного посредничества в сношениях с этим отдаленным районом мира оказалась вредна и в смысле военно-политическом. Один из эпизодов, связанных с русско-японской войной, наглядно показал это царскому правительству. Состоял он в следующем. С каждой новой неудачей России в войне с Японией положение пресловутой безобразовской клики оказывалось по сравнению с противостоявшим ей Витте все более невыгодным. Политическая ответственность за происшедшее в глазах современников пала именно на эту клику во главе с царем. Свергнутый же безобразовцами Витте остался в тени.⁵⁹ Виолне объяснимо поэтому, что безобразовцы особенно судорожно цеплялись за все, что могло бы, как им казалось, хоть

⁵⁸ E. Dettman. Brasiliens Aufschwung in deutscher Beleuchtung. Berlin, 1908, стр. 322—329.

⁵⁹ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е, М.—Л., 1955, стр. 274.

как-то повернуть ход военных действий в пользу России. Когда в Петербурге уже полным ходом обсуждался вопрос о посылке на Дальний Восток Балтийской эскадры, Безобразов 11 июля 1904 г. из-за границы написал одному из главных своих подручных адмиралу Абазе, состоявшему при генерал-адмирале, что нужно вдобавок к Балтийской эскадре послать четыре броненосца из Черного моря и соединенными силами отрезать японцев от их баз. «Если бы тебе удалось уговорить генерал-адмирала сделать этот гениальный подвиг, то этот блестящий конец покроет все начальные недочеты»,⁶⁰ — писал Безобразов, рекомендуя Абазе заняться в интересах безобразовцев спекуляцией на идее, которая не только носилась в воздухе, но уже осуществлялась. Черноморские суда были заперты по условиям договоров о проливах. Но зато Абазе цепко ухватился за поступившие вскоре после начала войны предложения различных иностранных посредников о покупке четырех аргентинских броненосных крейсеров.⁶¹ Затем появилось предложение и относительно трех чилийских военных судов. Как сообщил в феврале 1904 г. русскому морскому агенту в Париже его аргентинский коллега, причиной этих предложений была крайняя нужда в деньгах, но Аргентина готова была осуществить продажу лишь в том случае, если это сделает и Чили. Чилийское и аргентинское правительства вели переговоры о совместной продаже судов, и до соглашения об этом она не могла состояться. Кроме того, как сообщал морской агент в Париже, обе республики боялись позиции Англии в русско-японском конфликте и «друг друга».⁶² Сверх всего, покупка должна была быть совершена на имя нейтральной державы, так как воюющей стороне судов бы не продали. Эти особые условия усугубляли зависимость России от иностранных посредников. Они буквально осаждали Морское министерство предложениями своих услуг, поднимали взаимной конкуренцией перед южноамериканскими правительствами продажную цену, и, мешая друг другу, срывали дело. При этом к продававшимся судам проявляли интерес и японцы, в пользу которых действовали английские дельцы. В один из моментов, когда приобретение крейсеров в качестве боевой силы в войне казалось невероятным, возник вопрос о том, чтобы французское правительство в порядке союзнической помощи купило суда за русский счет с тем хотя бы, чтобы предотвратить получение их Японией, и до конца войны держало во французских портах. Вскоре, однако, французский министр иностранных дел Т. Делькассе уклонился от официального участия в этом деле, выдвинув частную французскую фирму и по-

⁶⁰ Б. А. Романов. Безобразовский кружок летом 1904 г. Красный архив, т. 4 (17), 1926, стр. 79.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 3.

⁶² ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26529, лл. 32—36.

обещав правительственную поддержку.⁶³ Но все эти комбинации вскоре отпали. Дольше всех морочил голову морскому ведомству американский делец Чарльз Флинт, один из агентов Моргана, посредничавший между русским Министерством финансов и своим патроном в переговорах о русском займе в США и по другим вопросам. Как утверждает в своих воспоминаниях Коковцов, Флинт и явился инициатором всей затеи.⁶⁴ Он действовал в тесном и небескорыстном контакте с генерал-адмиралом вел. кн. Алексеем Александровичем и Абазой. Не удивительно, что решено было остановиться на группе Флинта, как «более надежной».⁶⁵ К ней примыкала (хотя не прочь была и провести ее) американская фирма Шваба, у которой морской агент в Париже сообщал: «Эта партия действует под покровительством великого князя Кириллы».⁶⁶ На петергофском совещании 10 августа 1904 г., где принималось окончательное решение об отправке эскадры на Дальний Восток, было специально обусловлено, что по прибытии на Мадагаскар эскадра будет усилена семью покупаемыми крейсерами.⁶⁷ Николай II как глава безобразовцев припятил эту идею близко к сердцу. Коковцов же занял противоположную позицию. Тем не менее ему пришлось вступить в переговоры. Был разработан проект соглашения, общая сумма стоимости судов определена более чем в 50 млн руб.⁶⁸ 86 млн фр. уже лежали на особом счету у парижских Ротшильдов.⁶⁹ На специальном заседании 7 января 1905 г. Николай II, отвергнув все доводы министра финансов Коковцова, указывавшего на бесплодность предшествовавших переговоров, ввиду опасности захвата судов японцами и ненадежности посредников, поручил Абазе, управлявшему в это время Морским министерством, купить суда.⁷⁰ Флинт обещал заинтересовать делом о покупке судов самого Моргана.⁷¹ На протяжении длительного

⁶³ Телеграммы поверенного в делах во Франции Неклюдова в МИД 17/30 июля, управляющего Морским министерством морскому агенту в Париже 16/29 июля, морского агента в Париже управляющему Морским министерством 24 июля/6 августа 1904 г.: там же, д. 26498, лл. 20—22, 30—31, 51.

⁶⁴ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Париж, 1933, стр. 66.

⁶⁵ Всеподданнейший доклад Коковцова не позднее 15/28 сентября 1904 г.: ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 296, лл. 1—2 об.

⁶⁶ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26498, л. 43.

⁶⁷ Русско-японская война 1904—1905 гг. Книга шестая. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе, Пгр., 1917, стр. 12—13.

⁶⁸ Всеподданнейший доклад Коковцова не позднее 15/28 сентября 1904 г.: ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 296, лл. 1—2 об.

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26498, лл. 14, 16.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 51.

⁷¹ Там же, лл. 54—55.

времени южноамериканские крейсера оставались единственной надеждой царя и морского ведомства. На одном из заседаний Комитета финансов, где в присутствии министра иностранных дел, военного министра и управляющего Морским министерством в самых драматических тонах обсуждался поднятый Витте вопрос о немедленном прекращении войны, управляющий Морским министерством, по словам П. Н. Сабурова, только то и мог сказать, «что если б состоялась покупка аргентинских судов, мы могли бы иметь некоторые шансы на успех». Но далее он признал, что «эта покупка весьма сомнительна», и эскадра Рождественского должна будет обойтись «без этой подмоги», хотя она «гораздо слабее» японских сил.⁷²

Николай и в марте все еще стоял на своем. «Я решил попытку приобретения судов довести до конца», — написал он на всеподданнейшем протесте Коковцова 3 марта 1905 г.⁷³ Абаза под вымышленным французским именем отправился в Париж, затем в Буэнос-Айрес, где безуспешно действовал вместе с представителями Флинта вплоть до июня 1905 г.⁷⁴ Действуя заодно с великими князьями, Флинт и компания после провала дела потребовали «возмещения расходов». Царь, разумеется, согласился, и несостоявшаяся покупка обошлась казне в общей сложности более чем в полмиллиона рублей в различной валюте, включая сюда и 22 с лишним тысячи, которые получил под вымышленным именем Абаза.⁷⁵ Каррикатурно-анекдотическая форма этого эпизода как бы предупреждала, что зависимость России от иностранного посредничества в ее собственных международных связях при определенной внешнеполитической конъюнктуре может оказаться весьма вредной.

Как раз в эти годы (особенно начиная с 1907 г.) товарооборот России с Южной Америкой обнаруживает, несмотря на все препятствия, тенденцию к расширению.⁷⁶ Но расширение это шло почти исключительно за счет роста посреднических операций иностранных компаний. Бразильские таможенные отчеты за 1908 г. показывали крайне незначительные суммы непосредственного вывоза в Россию в бразильских денежных единицах — милрейсах: на 75 тыс. марганца, на 209 тыс. хлопка и на 519 тыс. кофе. В переводе на рубли это составляло в сумме всего 500 тыс.

⁷² П. Н. Сабуров — Д. А. Милютину 3/18 февраля 1905 г.: Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд Д. А. Милютина.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 54.

⁷⁴ Письмо Стерна, агента Флинта, Абазе 12/25 августа 1905 г.: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26510, л. 126.

⁷⁵ Там же, лл. 18, 116, 132, 137.

⁷⁶ См., например, справку о внешней торговле Аргентины, составленную Отделом торговли МТИП: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 7.

Между тем годовое потребление одного только кофе составляло в России, по сведениям торгового дома бр. Елисеевых, 2,5 млн пуд., из которых через руки одних только германских торговых фирм проходило более 400 тыс. пуд.⁷⁷ В 1909 г. в Петербурге в Министерстве иностранных дел и Министерстве торговли и промышленности снова возник вопрос «о желательности установления прямых торговых сношений между Россией и Бразилией для вывоза из Бразилии кофе, которое в настоящее время преимущественно поступает в России через посредство западноевропейских рынков, увеличивающих продажную цену и требующих за комиссионную услугу значительный процент».⁷⁸ Извольский и Тимирязев достигли договоренности об этом, но переговоров с бразильским правительством завязано не было, так как внешнеторговая политика бразильского правительства этому не благоприятствовала. Как сообщал русский поверенный в делах Бразилии в июне 1910 г., крайне высокое таможенное обложение ввоза в страну почти что не смягчалось, несмотря на представления иностранных правительств.⁷⁹ Только американские товары продолжали пользоваться двадцатипроцентной скидкой, сколько ни протестовали представители европейских держав.⁸⁰ Весной 1910 г. некоторые европейские правительства даже предложили своим представителям прекратить давление на бразильское правительство ввиду бессмысленности этого давления. Но вслед за тем правительство США потребовало распространения льготного тарифа и на некоторые из тех статей американского ввоза в Бразилию, которые ими не пользовались.

«Обстоятельство это, — сообщал русский посланник, — воскре-сило опасения здешнего дипломатического корпуса относительно возможного в будущем полного завоевания Северной Америкой бразильских рынков, и английское правительство поручило своему посланнику переговорить с его коллегами в видах установления, если окажется возможным, общего образа действий».⁸¹ Английский посланник обратился к русскому, который заявил ему, что Россия, не имея почти ввоза в Бразилию, не заинтересована в совместном выступлении, а в Петербург написал о желательности «остаться в стороне» и сохранить свободу действий на будущее.⁸² Максимов, несомненно, имел при этом в виду тенденцию к установлению непосредственных экономических отношений с Южной Америкой, резко усилившуюся в Петербурге в 1909—1910 гг.⁸³ Тенденция

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 594, лл. 126—129.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 148.

⁷⁹ Там же, л. 151.

⁸⁰ Донесение русского посланника в Бразилии П. Максимова товарищу министра иностранных дел 25 июля/7 августа 1910 г.: там же, лл. 154—155.

⁸¹ Там же, л. 154.

⁸² Там же, лл. 155—156.

⁸³ В 1908 г. был заключен договор с Мексикой.

эта в России была связана со сложным комплексом разных проблем, и было бы упрощением представлять дело только так, что она явилась результатом поисков новых рынков сбыта, в которых была заинтересована промышленная буржуазия. Хотя — заметим в скобках — нельзя отрицать и этого. Например, в марте 1910 г. «Новое время» опубликовало в трех номерах статью за подписью «Я. Н—ов» под названием «Новые рынки для русской промышленности», в которой вопрос о торговле с Латинской Америкой ставился в связь именно с задачами расширения внешних рынков для русской промышленности ввиду узости рынка внутреннего. В статье указывалось, что русская промышленность не может рассчитывать на сбыт своей продукции в развитых в промышленном отношении странах. Рынков же ближайших стран Востока недостаточно. Поэтому-де и приобретает значение Латинская Америка, особенно Аргентина, «как страна с наиболее развитой покупательной силой». Мотив относительно особого значения промышленного экспорта вообще звучал теперь довольно часто. Так, представитель Одесского общества заводчиков и фабрикантов С. И. Соколовский, впоследствии один из руководителей предпринимательских организаций русской буржуазии, в том же 1910 г. заявлял на I южно-русском торгово-промышленном съезде: «Наш вывоз на Восток при всей своей мизерности все-таки наиболее утешительное явление в области нашей внешней торговли. Он утешителен уже потому, что почти всецело состоит из продуктов обработанных и полуобработанных, а не из сырья, из которого комплектуется наш вывоз на Запад».⁸⁴ Но понимание важности внешнеторговой экспансии для капиталистического развития страны, равно как и для общегосударственных интересов господствующих классов, было присуще чинам соответствующих правительственных ведомств, руководителям представительных организаций буржуазии и лишь в последнюю очередь — самим промышленникам и торговцам. Потому-то инициатива в предприятиях такого рода шла преимущественно «сверху», из государственных сфер. Так было и в вопросе об установлении прямого пароходного сообщения с южноамериканским континентом, вопросе, который возник как составная часть кампании против германского и иного иностранного засилья, время от времени поднимавшейся в эти годы в России безо всяких результатов вплоть до начала мировой войны. Одним из важных элементов зависимого положения России в международно-экономической сфере являлось отсутствие у нее сколько-нибудь значительного собственного морского торгового флота, что влекло за собой фактическую зависимость России от иностранного капитала в области торгового мореплавания. В свою

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 43, л. 2.

очередь, эта зависимость препятствовала созданию национального торгового флота, так как давала возможность иностранным пароходным монополиям успешно бороться против русской конкуренции. Лишь начиная с 1909—1910 гг. в правительственных и буржуазных кругах России ставится вопрос о создании морских и океанских линий, которые находились бы в руках русских судовладельцев. С этой целью используется традиционная политика правительственных субсидий — прямых и косвенных. Однако иностранная конкуренция к этому времени существовала уже в лице крупнейшей международной монополии всемирного масштаба — Атлантического пуля, в состав которого входили крупнейшие судовладельческие предприятия передовых капиталистических стран Запада. Бороться с пулем было крайне трудно. Здесь необходимо отметить, что прямое сообщение с Америкой, и в частности с Южной, естественно, попало в центр этой борьбы как наиболее протяженная и всеохватывающая пароходная линия с базами в важнейшие порты Европы. На нее-то и стремилось не допустить русских конкурентов пуля «Русское Восточно-Азиатское пароходство» — участник пуля и главная его агентура в России. Непосредственным же объектом этой борьбы стал вопрос о льготах при перевозке эмигрантов из России в Америку, ибо эмигранты были основным «грузом», а льготы пароходствам со стороны правительства при перевозке эмигрантов представляли собой форму правительственного субсидирования пароходств. Здесь и разгорелась борьба, в ходе которой прежде всего монополистические предприятия одолели всю немополизованную конкуренцию, а в конечном итоге победителем из борьбы «всех против всех» вышел иностранный капитал.

Эмиграция из России в Южную Америку, существовавшая с конца XIX в., усилилась после первой русской революции, как и вообще эмиграция из России, и, помимо того, усилилась специально по сравнению с эмиграцией в другие страны. Межведомственное совещание для выработки проекта закона об эмиграции в январе 1910 г. отметило, что число эмигрантов из России в Южную Америку составляло 50 тыс. человек в год. Положение русских эмигрантов было там ужасным. «Что касается Бразилии и Аргентины, то здесь наши выходцы претерпевают зачастую невероятные бедствия, о которых красноречиво повествуют в своих донесениях наши миссии и консульства», — указывалось в «Очерке истории и современного состояния отхода на заработки за границу в Западной Европе и в России», составленном в Министерстве торговли и промышленности.⁸⁵ Как раз в 1910 г. русский посланник в Бразилии писал о русской эмиграции: «Кучки

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 37, л. 255.

бедняков, оборванцев, изнуренных морским переходом, без куска хлеба, спуют по портовым городам, не зная, куда голову приклонить».⁸⁶ Но голод и политическое бесправие на родине гнали из России на чужбину все новые и новые партии эмигрантов.⁸⁷ Многочисленные вербовщики двух крупнейших германских пароходных компаний, входивших в пуль — «Гамбургско-Американской» и «Северо-Германского Ллойда», заманивали партии беспаспортных эмигрантов в германские порты, где они оказывались вынужденными пользоваться судами пуля по монополю высокой цене безо всякой возможности выбора. Достигалось это с помощью специального постановления германского правительства, предусматривавшего, что эмигрант, которому агент одной из этих компаний отказал в приеме, подлежит высылке на родину.⁸⁸

Но отнюдь не бедствия эмигрантов привели к обсуждению вопроса об эмиграции в русских правительственных учреждениях, и представители эмиграционных обществ ясно заявили об этом в междуведомственном совещании для выработки проекта закона об эмиграции в январе 1910 г. Все дело было в том, чтобы использовать возможности правительственного регулирования эмиграции в интересах скрытого субсидирования русских пароходств. Представители правительственных органов предлагали предоставить паспортные льготы тем эмигрантам, которые воспользуются при переезде в Америку судами русских пароходств. При этом условии, считали представители правительства, русские пароходства «не захотят вступить в соглашение с Северо-Атлантическим пулем и сделаться его данниками».⁸⁹ Намечавшиеся правительственные льготы были предназначены крупным предприятиям — «Доброфлоту» и «Русскому Восточно-Азиатскому пароходству», которые брались организовать непосредственное сообщение как с Южной, так и с Северной Америкой. Представители более мелких пред-

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Накануне первой мировой войны особенно бедственным было положение русской эмиграции в Аргентине. В своем допесении от 11/24 апреля «Экономический и финансовый кризис в Аргентине» русский поверенный в делах Е. Штейн сообщал: «Многие, особенно из русских, оставались без всяких занятий, осаждая наше консульство, не уходили из него до тех пор, пока так или иначе чего-нибудь не добивались. Из провинции также неоднократно присылались телеграммы, что партии то в 20, то в 30 человек русских находятся без крова и пищи». Он писал, что многие из русских эмигрантов «ринулись прочь из той Америки, о которой столько чудес им рассказывали раньше и где они чуть не умерли с голоду. Несомненно, что, вытерпев здесь немало невзгод и всяческих лишений, они закажут и встречному и поперечному ехать в Америку» (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 179, л. 7).

⁸⁸ Немецкие пароходные общества и русские эмигранты. Berliner Tageblatt, 1904, 27 сентября.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 37, л. 29.

приятий, поддержанные представителями биржевых комитетов Ливавы, Риги, Ревеля и Петербурга, требовали распространения льгот на все заграничные рейсы с целью поддержания «конкуренции многих русских предприятий вместо монополизации немногих».⁹⁰ Получив поддержку со стороны представителей ведомств, «Доброфлот» и «Русско-Восточное Азиатское пароходство» легко преодолели сопротивление мелких предприятий.

Выработанный совещанием проект «Положения об отходе на заработки за границу» предусматривал льготы в пользу прежде всего тех русских мореходных предприятий, которые установят прямое сообщение между одним из балтийских портов и США, а также между Одессой и Рио-де-Жанейро, Моитвидео или Буэнос-Айресом.

Представители крупных пароходств употребляли между прочим и тот аргумент, что «поощрение мелких подвозных предприятий на практике послужит только к вящей выгоде иностранных пароходств». Но едва он успел прозвучать, как раздавшееся вслед за тем требование предоставлять льготы лишь тем предприятиям, которые работают на русские капиталы, а не просто под русским флагом, сейчас же взорвало «союз» «Доброфлота» с «Восточно-Азиатским пароходством», заключенный лишь против конкуренции мелких пароходств. Требование это мотивировалось тем, что «правительство не только стремится к созданию солидных прямых линий, обслуживаемых хорошими, годными для военных целей пароходами, но, в народнохозяйственных и тех же военных целях, заинтересовано в поощрении лишь русского капитала».⁹¹ Представитель «Восточно-Азиатского пароходства» возразил против этого ограничения, признавая, в сущности, что это предприятие иностранного происхождения. Ссылаясь на трудности определения национальной принадлежности капитала и недостаток русских капиталов, он потребовал распространения льгот и на те предприятия, которые действуют на иностранном капитале, но под русским флагом. Этого было достаточно, чтобы совещание решило не оговаривать этого вопроса в законе, предоставив его решение в каждом отдельном случае соответствующим ведомствам. Противоречия между крупными и мелкими предприятиями были, таким образом, дополнены противоречиями между фактически правительственной организацией, действовавшей в форме частнокапиталистического предприятия, каковой был «Доброфлот», и агентурой всемирной монополии — «Русским Восточно-Азиатским пароходством». Что же представляло собой это предприятие, при посредстве которого проводил свою политику по отношению

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, л. 100.

к морским и особенно океанским перевозкам России Атлантический путь? Наряду с «Доброфлотом» и РОПиТ — организацией такого же типа, как «Доброфлот», «Русское Восточно-Азиатское пароходство» было крупнейшим среди действовавших в России мореходных предприятий. Оно возникло по инициативе Башгина, генерального директора крупной германской судовладельческой компании «Гамбург—Америка», соглашение которой с «Северо-Германским Ллойдом» и моргановским судовладельческим трестом в США и составило основу Атлантического пути. Возникшее на основе существовавшей до 1904 г. возможности выпуска акций «на предьявителя», «Восточно-Азиатское пароходство» «явилось, в сущности говоря, лишь филиальным для России отделением мирового „пути“». ⁹² Капиталы его были датского происхождения, и Витте с предельной выразительностью описал в своих мемуарах, как это обстоятельство было использовано учредителями общества для обеспечения ему всемерной поддержки со стороны русского правительства путем использования связей между датским и русским царствовавшими домами через вдову Александра III Марию Федоровну, дочь датского короля. ⁹³ Пользуясь своими связями в правительственных сферах, «Восточно-Азиатское общество» оказало закулисную поддержку проведению закона 1904 г., который, чтобы закрыть доступ в русский коммерческий флот иностранному капиталу, предусматривал выпуск исключительно именных акций. Причина этой, казалось бы, парадоксальной позиции общества была проста: получив в пути в сферу своего влияния русские порты, общество было заинтересовано в недопущении в русское коммерческое мореходство иностранного капитала, не связанного с путем. Русский же национальный капитал общество рассчитывало одолеть, с одной стороны, с помощью пути, а с другой — при содействии Отдела торгового мореплавания МТиП, в котором руководители общества «сумели сделаться всемогущими». ⁹⁴

Естественно, что и установление прямого пароходного сообщения с Южной Америкой и вопрос о перевозке эмигрантов, от которого, коммерчески говоря, зависело установление этого сообщения, общество рассматривало с точки зрения как интересов пути в целом, так и своих конкурентных интересов внутри этого монополистического объединения. И когда в конце 1909 г. Отдел торгового мореплавания обратился к крупнейшим русским пароходствам с предложением установить регулярное пароходное сообщение с Южной Америкой, «Восточно-Азиатское пароходство» в своем

⁹² Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 5 февраля.

⁹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 189.

⁹⁴ Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 20 января.

ответе от 11 января 1910 г. лицемерно пожаловалось на Гамбург, «почти монополизировавший» торговлю с Южной Америкой, и добавило, что «отвоевать ныне часть этой перевозки в пользу русских (!) предприятий, конечно, возможно», но для этого необходима дескать существенная правительственная помощь.⁹⁵ Впрочем, жалоба на Гамбург была до некоторой степени реальна. Дело было в том, что «Восточно-Азиатское общество» занимало в пуле отнюдь не господствующее положение, а скорее подчиненное. В деле перевозки эмигрантов его квота сводилась всего к 2½%. За ее превышение уплачивался штраф по 4 ф. ст. с человека. Поэтому-то общество, перевозя лишь около 10% эмигрантов из России, передавало другим членам пуля остальных, направляя их в заграничные порты за комисионное вознаграждение.⁹⁶ Как раз в это время, в 1910 г., конкурентная борьба внутри пуля особенно обострилась. Правительство США возбудило против него преследование на основе антитрестовского закона Шермана. Истекавшее в феврале соглашение о распределении эмигрантов не удавалось возобновить. Руководитель «Восточно-Азиатского общества» М. М. Бениславский счел нужным заявить об этом публично. Он уверял, что пуля вообще-де не монополия.⁹⁷ На самом же деле общество стремилось использовать правительственные льготы, носившие характер скрытых субсидий, чтобы выторговать себе в пуле более значительную квоту, после чего все осталось бы по-прежнему. Открывать собственную линию с Америкой общество и не думало — ни с Северной, ни с Южной.

Между тем как раз в эти годы почва для установления непосредственных экономических отношений появилась не только в Бразилии, но и в Аргентине, которая в начале 1900-х годов заняла первое место в Южной Америке по объему внешней торговли, принадлежавшее до того Бразилии. В течение первого десятилетия XX в. объем внешней торговли Аргентины более чем утроился, ее торговый баланс постоянно сохранял активный характер.

Но эти благоприятные, казалось бы, факторы на деле являлись результатом бурного процесса уродливо одностороннего развития национальной экономики страны. Колонизаторская политика европейских и американских монополий в Аргентине заключалась в превращении ее в поставщицу продовольствия для развитых капиталистических держав и обширный рынок сбыта для их промышленности. Широко внедряясь в аргентинскую экономику, иностранный капитал развивал лишь те ее отрасли, которые были

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, л. 227.

⁹⁶ Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 5 февраля.

⁹⁷ Биржевые ведомости (веч. вып.), 1910, 2 декабря.

связаны с переработкой и экспортом сельскохозяйственных продуктов; в отношении же промышленных изделий Аргентина оставалась целиком зависимой от их ввоза из-за границы.⁹⁸ Наиболее сильные позиции имел в Аргентине английский капитал. Он контролировал железнодорожное, холодильное и элеваторное дело. Торговое судоходное сообщение с Аргентиной находилось в руках английской судоходной монополии «Ройял Мэйл» («Royal Mail»)⁹⁹. Все это, разумеется, помогало Англии держать в своих руках значительную часть аргентинской торговли (в 1909 г. — 33% ввоза и 13% вывоза).¹⁰⁰ Аргентину даже называли пятым английским доминионом.

Но в кругах английских дельцов, связанных с эксплуатацией Аргентины, было серьезное беспокойство, вызванное резкой активизацией экономической экспансии США в Аргентине, как и в Латинской Америке в целом, особенно сильное в связи с предстоящим завершением строительства Панамского канала.¹⁰¹ США, как известно, не импортировали в сколько-нибудь значительных размерах продовольствия, и их доли в аргентинском вывозе неуклонно снижались.¹⁰² Но это отнюдь не мешало крупнейшим американским мясоперерабатывающим монополиям «Свифт и Армур» начиная с 1907 г. открыть борьбу за контроль над аргентинской мясохолодильной и мясоперерабатывающей промышленностью и экспортом ее продукции. Метод борьбы за контроль, принятый американцами, заключался в захвате предприятий, принадлежавших англичанам или созданных на национальные капиталы, а отнюдь не в строительстве новых.¹⁰³ Ввоз в Аргентину промышленных изделий был также сосредоточен в руках иностранных компаний, что отнюдь не способствовало развитию национальной промышленности.

Не удивительно поэтому, что в ходе президентской избирательной кампании 1910 г. кандидат консервативной партии Роке Саэнс Пенья, один из крупнейших аргентинских дипломатов, в очень осторожной форме выступил с требованием правительственного вмешательства в область внешней торговли страны. Упомянув

⁹⁸ W. A. Hirst. *Argentina*. London, 1911, стр. 211.

⁹⁹ W. H. Koebel. *Argentina, past and present*. London, 1910, стр. 447.

¹⁰⁰ Справка по Отделу торговли МТНП об экономике и внешней торговле Аргентины: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, лл. 13—16.

¹⁰¹ См.: W. A. Hirst, *у.к. соч.*, стр. 211.

¹⁰² W. Meissner. *Argentiniens Handelsbeziehungen zu den Vereinigten Staaten von Amerika*. 1919, стр. 32.

¹⁰³ Хайме Фукс. Американские тресты против Аргентины. М., 1953, стр. 61—62. Американский капитал пропикал и в другие отрасли молодой аргентинской промышленности, например в электроэнергетическую, обувную (A. P. Whitaker. *The U. S. and Argentina*. Harvard University press, 1954, стр. 43).

о том, что США транспортируют вдвое больше экспортной аргентинской продукции, чем сама Аргентина, и о зависимости Аргентины от обильного импорта, он заявил, что правительство «должно искать выход». Выход этот он видел в отмене старых торговых договоров и заключении торговых договоров о наибольшем благоприятствовании, которые могли бы облегчить аргентинскому продовольствию проникновение на внешние рынки. «Добиваться расширения международных рынков и конкуренции на них», — такова была его программа.¹⁰⁴

Это создавало почву для установления непосредственных торговых отношений между Россией и Аргентиной. Хотя на мировых рынках как Россия, так и Аргентина выступали главным образом в качестве поставщиков продовольствия и сырья, в Аргентине существовал спрос на ряд русских товаров. Спрос этот отчасти был обусловлен наличием в Аргентине значительной иммиграции из России¹⁰⁵ и касался русских товаров широкого потребления, которые были в Аргентине довольно популярны.¹⁰⁶ Но существовал в Аргентине потенциальный спрос и на продукцию русской тяжелой промышленности, особенно на рельсы и прочее железнодорожное оборудование, успешно конкурировавшее с иностранным. Страна была охвачена горячкой железнодорожного строительства, осуществляющегося частными, преимущественно английскими, компаниями. Лишь 13% общего протяжения линий принадлежали аргентинскому правительству, и любая возможность расширения конкуренции хотя бы в деле поставок оборудования была бы выгодна Аргентине. Практически, однако, весь русский ввоз в Аргентину находился в руках иностранных компаний точно так же, как это было ранее показано на примере бразильского ввоза в Россию.

¹⁰⁴ Union nacional. La campaña política de 1910. Publicación de la Comisión de Propaganda de la Junta Ejecutiva Nacional, Tomo primero, Buenos-Aires, 1910, стр. 83—84. Следует отметить, что Пенья еще на первом пан-американском конгрессе в 1889 г. в противовес экспансионистскому толкованию дипломатией США принципа Монро «Америка для американцев» выдвинул свой принцип: «Америка для всего человечества». Повторяя его в дальнейшем, Пенья видел в расширении международных связей Латинской Америки средство борьбы с усиливающимся влиянием США (A. Whitaker. The Western Hemisphere idea. Cornell University Press, 1954, стр. 84; Juan Pinto. Dicionario de la Republica Argentina. 1950, стр. 608).

¹⁰⁵ Только русские, не считая украинцев, поляков, евреев, литовцев и других, в сумме более многочисленных, занимали четвертое по численности место среди иммигрантов в Аргентине — после итальянцев, испанцев и французоз (Некоторые данные об Аргентинской республике. Сост. д-р Даниил Антоколец. СПб., 1912, стр. 7—8).

¹⁰⁶ См., например, корреспонденцию из Буэнос-Айреса в «Новом времени» (1908, 6 января).

Морозовские ситцы ввозились в Аргентину немцами. Бельгийская фирма, не сумев выполнить взятого в Аргентине заказа, дважды была вынуждена поставлять в Аргентину рельсы, закупленные в России. Как сообщили в аргентинском Министерстве путей сообщения русскому инженеру-путейцу Лангаде, рельсы эти оказались хорошими, но, конечно, больше не поставлялись, так как бельгийцам это было невыгодно.¹⁰⁷ По сообщению президента Буэнос-Айресской биржи Анреу, все обращающиеся на аргентинском рынке русские товары попадали туда через руки иностранных комиссионеров, что значительно удорожало их цены.¹⁰⁸ Иностранные комиссионеры пользовались отсутствием прямого парового сообщения между Россией и Южной Америкой, в результате чего стоимость провоза груза из Одессы в Буэнос-Айрес была более чем в три раза выше стоимости провоза туда груза из Парижа.¹⁰⁹

Аргентинская таможенная статистика регистрировала в качестве русских лишь товары, поступившие непосредственно из России. И не удивительно поэтому, что по аргентинским официальным данным ввоз из России составлял в 1908 г. всего 0.27% суммы ввоза в Аргентину, или 740 тыс. золотых песов, а в 1909 г. — 0.43%, или 1307 тыс.¹¹⁰ Но в Аргентине понимали, что на самом деле это не так, и возможности расширения рассматривали в оптимистическом свете. И в 1909 г. в связи с предстоявшей в 1910 г. в Буэнос-Айресе всемирной выставкой по случаю 100-летия независимости Аргентины ее правительство обратилось к России с приглашением и просьбой принять в ней участие, чтобы установить непосредственные торговые отношения. В своих многочисленных обращениях в министерства иностранных дел, путей сообщения, торговли и промышленности аргентинский посланник в Петербурге Э. Гарсия-Мансилья ссылаясь на выполненные русскими южными заводами крупные аргентинские заказы на рельсы (3 млн штук), обещал «новый и прекрасный рынок» для русской

¹⁰⁷ Сообщение, сделанное инженером путей сообщения Л. М. Лангадой в Совете съездов представителей промышленности и торговли 16 октября 1909 г. СПб., 1909, стр. 3—4. Впрочем, в начале января 1908 г. русский пароход «Сибирь» прибыл в Буэнос-Айрес с грузом рельсов (Новое время, 1908, 6 января).

¹⁰⁸ Справка по Отделу торговли МТиП о торговых отношениях между Аргентиной и Россией: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, лл. 11—12.

¹⁰⁹ Новое время, 1908, 6 января.

¹¹⁰ Справка о внешней торговле Аргентины, составленная Отделом торговли МТиП по официальным аргентинским данным (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 7). Один несо равен примерно двум рублям. Из этих сумм около 400 тыс. песо в год приходились на минеральные масла, ввозившиеся из России (Донесение и. о. консула в Рио-де-Жанейро М. Горяинова: Сборник консульских отчетов, вып. II. 1909, стр. 126).

промышленности в Аргентине и даже упоминал о необходимости для России участвовать в выставке, чтобы, изучив холодильное дело, успешнее конкурировать с Аргентиной на мировом мясном рынке. При этом он прямо указывал, что исходит прежде всего из аргентинских интересов («... было бы крайне печально, если бы мы упустили случай и возможность приобретать первоклассный материал в России»).¹¹¹ Связавшись с Авдаковым, Гарсиа-Мансилья выступил с докладом в Совете съездов представителей промышленности и торговли на специальном совещании под председательством Нобеля. Он заявил, что в связи с ростом железных дорог, русская металлургическая и паровозо- и вагоностроительная промышленность могла бы «найти в Аргентине широкий сбыт своим изделиям» и призвал учредить пароходную линию.¹¹² Его поддержал русский инженер-путеец Лангада, который, по-видимому, с расчетом на Авдакова и Нобеля заявил, что в Аргентине найдут сбыт русский уголь и русская нефть, а также ряд других товаров, в частности текстиль. Он предложил организовать пароходную линию «Доброфлота» или РОПиТ с рейсами из Одессы (что позволило бы обслуживать Грецию и другие попутные страны) или из Ливавы. Лангада предлагал, чтобы на обратном пути суда проектируемой линии заходили в бразильский порт Сантос и брали груз кофе.¹¹³ Но русские правительственные ведомства отказались от участия в выставке, и Совет министров в декабре 1909 г. с этим согласился вопреки надеждам посланника, считавшего содействие Столыпина, Извольского и Коковцова обеспеченным.¹¹⁴ Лишь Министерство путей сообщения после доклада Лангады министру, по-видимому, устроенного усилиями Гарсиа-Мансилья, и частные паровозо- и вагоностроительные заводы (Русско-Балтийский, «Фепикс», Мытищенский, Брянский, Невский, Коломенский, Сормовский) после совещания в Совете съездов проявили интерес к аргентинским предложениям.¹¹⁵ Пассивность правительственных ведомств легко объяснима: все упиралось в организацию пароходной линии, а «Восточно-Азиатское пароходство» не только само отказывалось от ее организации, но, по-видимому, ему удавалось, используя свои правительственные связи, срывать организацию этой линии «Доброфлотом» или РОПиТ. Что же касается других мер, то они без организации прямого сообщения были бы действительно неэффективны.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 110, лл. 28—33.

¹¹² Промышленность и торговля, 1909, 1 ноября, стр. 496—497.

¹¹³ Сообщение, сделанное инженером путей сообщения Л. М. Лангадой, стр. 3—7.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 110, лл. 28—33, 55.

¹¹⁵ С. В. Рухлов — В. И. Тимирязеву, 24 октября 1909 г.: там же, лл. 44—45.

Однако вскоре под влиянием международных обстоятельств русское правительство решило принять меры к установлению непосредственных связей с Латинской Америкой. Как известно, борьба империалистических держав за господство на латиноамериканском континенте между Англией, Германией и США непрерывно обострялась. Венесуэльский кризис 1902—1903 гг. показал, что англо-германское соперничество на континенте по сравнению с натиском США отходит как бы на второй план. Это, впрочем, не означало, что «политика большой дубинки» и «дипломатия доллара» дали США реальный перевес над их конкурентами. Так, во внешней торговле латиноамериканских стран США играли значительную роль, но парходные линии, соединявшие эти страны с Европой, оставались в английских и германских руках. Экспансия США была просто наиболее динамичной, и потому представляла наибольшую угрозу для интересов всех держав, в том числе и столь незначительных, как интересы России.

Роль латиноамериканского континента в мировой политике возросла, хотя это и была только роль объекта империалистической политики держав. Между тем царское правительство делало в эти годы попытки ликвидировать иностранное посредничество в своих торговых отношениях с заморскими слаборазвитыми странами. Иногда это было составной частью кампании по борьбе с германским засильем, иногда, наоборот, направлено против Англии, как например попытка избавиться от посредничества Лондона в чайной торговле. В этих условиях и латиноамериканский континент приобретал определенное значение. Дипломатические представители России в латиноамериканских странах забрасывали МИД депешами с требованием вытеснить иностранный капитал из перевозок между Россией и США. Так, русский посланник в Бразилии в декабре 1910 г. сообщал, что «Северо-Германский Ллойд» и специальный филиал «Гамбургско-Американской линии» для Южной Америки составили там специальное объединение, монополизирующее связи с Россией.¹¹⁶ Наконец, в феврале 1911 г. Совет министров по указанию царя рассмотрел специальное донесение посланника в южноамериканских государствах П. В. Максимова от 2 ноября 1910 г. с обоснованием политической необходимости сближения с южноамериканскими государствами и указанием мер для этого. Рассматривая внешнеполитическую ситуацию стран Южной Америки, Максимов придавал первенствующее значение попыткам США установить его гегемонию над континентом, ярко характеризуя применявшиеся при этом методы. «Они усиленно ухаживают за главнейшими южноамериканскими республиками, — писал он, — и особенно стараются загладить

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, л. 237.

в Чили неблагоприятное впечатление, произведенное ультиматумом по делу Альсона,¹¹⁷ но это, кажется, им плохо удается. Как назло, американские офицеры с судов, прибывших на чилийские торжества,¹¹⁸ ознакомили свое пребывание в Вальпарайсо такими крупными скандалами и не поддающимися описанию неприличиями и бесчинствами, в коих высказывалось столько глубокого и укоренившегося пренебрежения и презрения к южноамериканцам, что последние навряд ли не отдадут себе ясного отчета, чего им ожидать от своих северных просветителей. Между тем янки стремятся во что бы то ни стало при помощи, между прочим, пан-американских конференций, создать такое положение, чтобы в каждом мало-мальски важном политическом вопросе Южная Америка являлась вполне солидарною с Северной. Один из участников последней конференции в Буэнос-Айресе, кровный американец, откровенно признавался мне, что если его правительство и не жалеет трудов и денег на устройство панамериканских сборищ, то исключительно с целью заставить все американские республики признать свою зависимость от Северо-Американских Штатов».¹¹⁹ Кроме сопротивления со стороны самих южноамериканских стран, Максимов как на препятствие к осуществлению экспансионистских планов США указывал на японо-американские противоречия в Латинской Америке. Явно переоценивая размеры японских интересов и влияния там, Максимов сообщал, что в южноамериканских политических кругах считают, что Япония попытается «до окончательного еще оборудования и укрепления Панамского канала так или иначе подрезать крылья Северо-Американским Штатам». Причем возможной победительницей считали не США, а Японию, «не взирая на последнюю североамериканскую военно-морскую демонстрацию, предназначенную для внушения страха и уважения перед американским флотом».¹²⁰ Максимов сообщал все это для того, чтобы доказать возрастающую роль в мировой политике событий на южноамериканском континенте.

Каковы же были задачи русской политики в этом районе мира? «Животрепещущих, бьющих в глаза политических вопросов для нас в данную минуту здесь, пожалуй, и не существует, — писал Максимов, — . . . но утверждать также, что южноамериканские

¹¹⁷ В действительности — Олсона. Речь идет о финансовых претензиях американской фирмы «Олсон и К^о» на сумму около 3 млн долл., восходящих к 70-м годам XIX в. и связанных с территорией, отошедшей к Чили от Боливии в результате Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. (см.: *Journal of International Law*, vol. V, 1911, стр. 1079—1107).

¹¹⁸ В честь столетия с момента формирования первого независимого от Испании правительства.

¹¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 4, д. 1409, л. 42.

¹²⁰ Там же, л. 41.

республики ни в чем и никогда не могут оказаться нам полезными — совершенно невозможно». ¹²¹ Осуждая равнодушное отношение к вопросу о связях России со странами Южной Америки, он ссылаясь на «печальные результаты» попытки русского правительства купить во время русско-японской войны аргентинские и чилийские военные суда.

Напоминая обо всем этом как о «недочетах прошлого», Максимов предлагал усилить политические связи с этими странами, имея в виду, что при определенной ситуации они могут явиться для России «прямыми или косвенными союзницами или противницами в том или другом политическом вопросе». В экономической части программы Максимова главное место отводилось Аргентине и рекомендовались следующие меры: установление прямых торговых сношений с устранением всех комиссионеров; организация пароходного сообщения между русскими портами и портами Южной Америки силами русских или в крайнем случае иностранных пароходных компаний; посылка в Южную Америку специалистов по торговым и промышленным вопросам; учреждение консульств и т. д. ¹²²

В донесении русского консульства в Бразилии, написанном за два дня до депеши Максимова, подчеркивалось, что бразильское правительство относится к установлению торговых отношений с Россией особенно благоприятно, «так как для него (бразильского правительства, — *Р. Г.*) вполне ясно, что из этих сношений не может возникнуть для Бразилии никакой политической опасности». ¹²³

Совет министров, рассмотрев донесение Максимова, одобрил намеченные им мероприятия для «развития взаимного между Россией и государствами Южной Америки культурно-экономического общения». Соответствующим ведомствам было поручено практическое их осуществление. ¹²⁴

Однако Министерство торговли и промышленности, которому принадлежала в этом, разумеется, главная роль, почти ничего предпринять не смогло, несмотря на то, что министр С. И. Тимашев считал организацию прямых рейсов в Южную Америку «делом большой государственной важности». ¹²⁵

Отдел торгового мореплавания обратился к «Восточно-Азиатскому пароходству» с очередным увещанием по поводу того, что «с государственной точки зрения» надо-де сообщить с Южной

¹²¹ Там же, лл. 39—40.

¹²² Там же, лл. 43—44.

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 61, лл. 1—2.

¹²⁴ П. А. Столыпин — С. В. Рухлову 21 февраля 1911 г.: там же, л. 37.

¹²⁵ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 126.

Америкой «сохранить за отечественным флагом», как будто бы оно не было захвачено иностранным капиталом, на страже интересов которого стояло именно «Восточно-Азиатское пароходство». Отдел торгового мореплавания обещал «Восточно-Азиатскому пароходству» «ряд весьма существенных льгот», если оно откроет пароходные линии с Северной или Южной Америкой. Льготы эти были предусмотрены в законопроекте об эмиграции, но так как принятие его предполагалось не ранее второй половины 1912 г., то Отдел торгового мореплавания просил пароходство предпринять что-либо, не дожидаясь этого.¹²⁶ «Восточно-Азиатское пароходство» ничего, разумеется, предпринять не собиралось, да и ответы других запрошенных пароходств представляли собой в сущности, лишь намеки на необходимость правительственных субсидий, а отнюдь не согласие на приступ к делу.¹²⁷

Между тем тенденция к непосредственным экономическим связям с южноамериканской стороны усиливалась. Русский ввоз в Аргентину уже в 1911 г. возрос по сравнению с 1910 г. почти в 4 раза, составив 1.919 тыс. зол. долл. против 522 тыс.¹²⁸ Рост был настолько значителен, что аргентинское правительство не могло пройти мимо этого. Следует заметить, что президентский пост занимал в это время победивший на выборах 1910 г. Пенья, который как уже указывалось, выступал за всемерное расширение торговых связей страны на началах наибольшего благоприятствования в целях ослабления ее экономической зависимости от иностранных монополий. Место России в товарообороте Аргентины с внешним миром не достигало и одной сотой того, которое занимала, например, Англия. Но аргентинская торговля с Россией превышала по объему торговлю Аргентины с каждой из следующих американских стран — с Мексикой, Гватемалой, Эквадором, Перу, Венесуэлой и Доминиканской республикой.¹²⁹

Но гораздо больше, чем сама торговля, интересовала аргентинскую сторону возможность конкуренции русских пароходств с западными пароходными компаниями, которая привела бы к снижению фрахтов.

Еще до конца 1911 г. аргентинский посланник в Петербурге обратился в Министерство иностранных дел с предложением своего правительства заключить договор о взаимном предоставлении прав наибольшего благоприятствования в области тарифного и

---

¹²⁶ Отдел торгового мореплавания — Русскому Восточно-Азиатскому пароходству, 21 апреля 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, лл. 235—236.

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 43, лл. 183—191.

¹²⁸ Intercambio económico de la República. 1910—1917. Bueno-Aaires, 1918, стр. 32.

¹²⁹ W. Meissner, ук. соч., стр. 30.

таможенного законодательства, в вопросах транзита, торговли и мореплавания и представил проект такого договора.¹³⁰

При рассмотрении вопроса о договоре в Министерстве торговли и промышленности исходили из того, что Россия имела с Аргентиной активный торговый баланс. Министерство считало, что в Аргентине возможен сбыт продуктов русской обрабатывающей промышленности, в частности машин, локомотивов, вагонов, готовых железных частей мостов, хлопчатобумажных тканей, ювелирных изделий и продуктов пищевой промышленности, а кроме того — лесоматериалов, табака и особенно лошадей.¹³¹

Аргентинский проект предусматривал право Аргентины в ограничении принципа наибольшего благоприятствования не распространять на прочие страны льготы и привилегии, предоставляемые государствам южноамериканского материка. Министерство торговли и промышленности предложило в ответ на это обусловить право России на предоставление таких льгот Швеции, Норвегии и пограничным с Россией азиатским государствам.¹³²

В Министерстве иностранных дел, в свою очередь, сочли, что Аргентина получает слишком широкую свободу в области внеконвенционной торговли, что может «принести значительный ущерб» русско-аргентинским торговым отношениям, которые «все более и более развиваются», как писал министру торговли и промышленности Тимашеву старший советник МИД Аргиропуло.¹³³ В МТиП резонно сочли эти опасения необоснованными, так как товарообмен Аргентины с государствами Южной Америки был весьма невелик, но решено было все же договориться с аргентинским правительством о распространении изъятий из принципа наибольшего благоприятствования лишь на пограничные с Аргентиной государства, хотя Тимашев и указывал министру иностранных дел Сазонову, что именно с ними (Бразилией, Уругваем и Чили) Аргентина и ведет сколько-нибудь значительную торговлю.¹³⁴

К подписанию соглашения было все решительно готово, но оно так и не состоялось по причине, которую известные нам документы не дают возможности установить. Однако, как видно из нижеследующей таблицы, русско-аргентинская торговля получила определенное развитие.

Русский ввоз в Аргентину после спада в 1912 г., последовавшего за бумом 1911 г., обнаруживает в 1913 и 1914 гг. тенденцию

¹³⁰ Письмо министра иностранных дел С. Д. Сазонова министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву 10 декабря 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 1.

¹³¹ Справка по Отделу торговли МТиП об экономике и внешней торговле Аргентины: там же, лл. 13—16.

¹³² Тимашев — Сазонову 21 апреля 1912 г.: там же, л. 10.

¹³³ Там же, лл. 18—19.

¹³⁴ Тимашев — Сазонову 26 июня 1912 г.: там же, л. 20.

Русско-аргентинская торговля¹³⁵

Годы	Ввоз из России в Аргентину		Ввоз из Аргентины в Россию	
	(в зол. долл.)	в %	(в зол. долл.)	в %
1910	522186	100	177101	100
1911	1918897	367	280581	158
1912	305179	58	393215	222
1913	527114	101	652939	369
1914	307812	59	296554	167
1915	17093	3	—	—
1916	17562	3	3112442	1757
1917	1480	—	—	—

к повышению, прерванную в середине 1914 г. началом войны. Наиболее характерно, однако, что Аргентина, в целом обладавшая активным торговым балансом, а с Россией имевшая пассивный, в 1912 и 1913 гг. изменила его в свою пользу. Несколько забегая вперед, отметим, что поставки аргентинского продовольствия в Россию во время первой мировой войны, как видно из таблицы, увеличили аргентинский экспорт в Россию более чем в 17 раз.

В 1912 г. русское правительство все же решило принять меры к установлению сообщения с Южной Америкой. Два вновь возникших обстоятельства делали особенно желательными рейсы в Бразилию. Во-первых, несколько крупных русских импортеров стали проявлять решимость выйти из зависимости от иностранных посредников и сконцентрировать в своих руках снабжение кофе всего русского рынка. Во-вторых, в связи с разрывом торгового договора с США, предстоявшим с начала 1913 г., возникли надежды на замену североамериканского хлопка на русском рынке бразильским.¹³⁶

Решено было осенью 1912 г. открыть прямое пароходное сообщение с Южной Америкой. Его организация была возложена на «Доброфлот» — «чуть не правительственное учреждение, при официальном содействии самого правительства».¹³⁷

В Аргентину и Бразилию был послан В. И. Левицкий, посредничавший между «Доброфлотом» и рускими кофейными торговцами, затем в Южную Америку отправились уполномоченные

¹³⁵ Intercambio económico de la República, стр. 32.

¹³⁶ Инструкция правления «Доброфлота» Китаеву, 31 декабря 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, лл. 19—20; Максимов — Тимашеву, 10/23 марта 1912 г.: там же, л. 58.

¹³⁷ Максимов — Сазонову, 12 марта 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, лл. 20—24.

«Доброфлота» — ген. В. Н. Китаев и Д. Д. Росс. Последний в мае 1911 г. представил комитету «Доброфлота» специальную записку под названием «Предварительные соображения о предполагаемой торговле России и близлежащих стран — Турции, Греции и Египта — с южноамериканскими республиками Бразилией, Аргентиной и Уругваем».¹³⁸ Росс исходил из того, что все страны и территории к Востоку от Триеста прямого сообщения с Южной Америкой не имеют и что поэтому существует возможность их попутного обслуживания предполагаемой русской линией. Вывоз из России в Южную Америку Росс считал «наименее привлекательной частью дела», так как русским товарам будет трудно конкурировать там с европейскими и американскими. Чтобы развить экспорт в Южную Америку русского железа, цемента, леса, керосина, нужны низкие фрахты. Росс предлагал Доброфлоту компенсировать их доходами от перевозки эмигрантов. Что же касается привоза из Южной Америки в Россию, то произведенные Россом расчеты имели целью показать, что в этом направлении линия «Доброфлота» будет иметь вполне достаточные грузы, причем даже в том случае, если «Доброфлот» установит фрахты ниже, чем на иностранных линиях, это будет все же достаточно прибыльно. Росс считал дело настолько реальным, что даже ставил вопрос о заказе новых судов для этой линии. Но ожидания Росса не оправдались. Иностранцы пароходные монополии оказались в состоянии воспрепятствовать организации русской линии и с другого ее конца — южноамериканского, не допустив получения ею грузов для прямой транспортировки в Россию.

Приехав в Бразилию, Китаев и Росс обнаружили, что там «чрезвычайно сочувственно относятся к организации прямых пароходных рейсов между Россией и Бразилией». С этим связывали надежды на расширение сбыта кофе не только в России, но и в странах, через которые новая линия должна была проходить — в Румынии, Турции, Египте и т. д. Расширение рынка было тем более необходимо для бразильских плантаторов, что правительство, регулируя цены на кофе, ограничивало развитие плантаций в зависимости от состояния рынка.¹³⁹ «Доброфлот», как организация почти что государственная, в представлении бразильских плантаторов был способен выдержать конкуренцию с мощным синдикатом иностранных пароходовладельцев, который монополизировал весь вывоз кофе и таким образом эксплуатировал важнейшую статью национального дохода Бразилии. «Отправители в Сантосе говорят, что настоящее их положение совершенно невы-

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 8, д. 1079, лл. 1—9.

¹³⁹ Китаев — Комитету «Доброфлота» 9 мая 1912 г.; там же, оп. 1, д. 1456, л. 100.

носимо и что они хотят иметь свою долю в торговле с Россией, — писал Китаев. — Бразильское правительство стало поощрять непосредственную продажу русским торговым домам больших грузов кофе.¹⁴⁰ В начале апреля представители «Доброфлота» были приняты бразильским министром иностранных дел Лауро-Мюллером, который, как и Магальянс в 1899 г., обнаружил ясное понимание выгоды для Бразилии непосредственной торговли с Россией. Он заявил, что ввиду отсутствия такой торговли обе страны «во многих случаях эксплуатируются в ущерб собственным выгодам иностранными капиталами и предприимчивостью».¹⁴¹ В результате переговоров с бразильскими министрами было заключено соглашение о перевозке «Доброфлотом» 6,5 тыс. эмигрантов, причем бразильское правительство уплачивало по 8 ф. ст. за провоз каждого.¹⁴² Все шло, казалось бы, хорошо. Представилась даже возможность конкурировать по ввозу в Бразилию хлеба и нефти с торговцами США («их не любят в Бразилии»).¹⁴³ К середине июля открытие линии «Доброфлота» было уже оформлено обменом нот между бразильским Министерством иностранных дел и русской миссией.¹⁴⁴ Но на практике «Доброфлот» сразу же столкнулся со значительными трудностями. Чтобы обеспечить прямые рейсы без перегрузки в иностранных портах, его представители стремились добиться заказов на кофе со стороны русских торговцев кооперативным объединением бразильских производителей кофе, «стоящим вне монополизационных организаций и иностранных пароходных трестов».¹⁴⁵ Но в том-то и заключалась беда, что кофейные монополии, контролировавшиеся иностранным капиталом, и синдикат иностранных пароходных компаний были самым тесным образом связаны между собой, и, пользуясь этой связью, они оказывали серьезное противодействие линии «Доброфлота».¹⁴⁶ Достаточно было, например, письма пароходного синдиката в адрес одной из бразильских фирм с угрозой конфисковать рефакцию со всех ее отправлений на судах синдиката, чтобы эта фирма отказалась от своей договоренности с «Доброфлотом» о ежемесячных поставках кофе в Россию.¹⁴⁷

¹⁴⁰ Там же, л. 141.

¹⁴¹ Максимов — товарищу министра иностранных дел Нератову 8/21 апреля 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 32.

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 164.

¹⁴³ Ответ Китаева и Росса на вопросы правления «Доброфлота»: ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 3, д. 279, л. 7.

¹⁴⁴ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 40.

¹⁴⁵ Максимов — Нератову 8/21 апреля 1912 г.: там же, лл. 33—34.

¹⁴⁶ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: там же, л. 40.

¹⁴⁷ Китаев — Комитету «Доброфлота» 9 мая 1912 г.: ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 109.

Как отмечал Китаев, против синдиката могла помочь лишь поддержка бразильского правительства.¹⁴⁸ Об этом он и Максимов и просили Лауро-Мюллера, но тот ограничился принципиальным согласием, за которым ничего не последовало.¹⁴⁹

Положение усугублялось еще и тем, что начинание «Доброфлота» и противодействие ему со стороны иностранных компаний развертывались на фоне нового «натиска Северо-Американских Штатов на южноамериканские республики в видах достижения, помимо политического главенства, все более и более выгодных и привилегированных условий в сравнении с другими иностранными государствами по ввозу своих товаров».¹⁵⁰

Натиск США в области внешней торговли был лишь одной из составных частей их наступления на экономику Южной Америки. Бразилия была главным объектом этого натиска, тем более, что бразильская дипломатия, во главе которой в течение 10 лет стоял Рио Бранко, не оказывала этому особого сопротивления, так как Рио Бранко продолжал наивно надеяться, что ему удастся при помощи США создать для Бразилии главенствующее положение в Южной Америке.¹⁵¹ Летом 1912 г. в Рио-де-Жанейро устремились многочисленные торговые и финансовые миссии США, в том числе целый комитет из американских кофеторговцев; избегая газетной огласки, прибыл финансовый советник Морган Шустер, за год до того подчинивший своему контролю финансы Ирана; велись разговоры об американских кредитах, консолидации бразильского долга и выкупе его Соединенными Штатами из европейских рук.¹⁵²

Одновременно США требовали от бразильского правительства все новых таможенных уступок. При мизерном объеме русской торговли с Бразилией фактическое открытие бразильских границ для товаров США не имело для нее сколько-нибудь существенного значения, но возможность ее развития этим фактически исключалась. Еще в апреле, когда представители европейских держав решили при дальнейшем натиске США по очереди сделать бразильскому правительству однотипные представления, Максимов решил промолчать, подчеркнув в письме в Петербург, что решение его продиктовано боязнью повредить организации пароходного сообщения. Но после обмена нот об открытии линии он все же затронул этот вопрос в беседе с Лауро-Мюллером. Ответ

¹⁴⁸ Там же, л. 80.

¹⁴⁹ Росс — Комитету «Доброфлота» 26 апреля 1912 г.; там же, л. 94.

¹⁵⁰ Максимов — Сазонову 5/18 апреля 1912 г., АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, лл. 27—28.

¹⁵¹ Brazil. Ed. by L. F. Hill, стр. 336.

¹⁵² Максимов — Сазонову 24 июля/6 августа 1912 г.; АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 44.

бразильского министра в изложении Максимова гласил: «Что касается настоящего привилегированного торгового режима, коим пользуются в Бразилии Северо-Американские Штаты, то с ним приходится считаться как с свершившимся фактом. По поводу же дальнейших претензий означенных Штатов можно сказать, что нынешнее правительство, не отвечая на них решительно отказом, старается, тем не менее, насколько возможно, временно окончательным решением этого вопроса, не возбуждая, однако, недовольства североамериканцев».¹⁵³ Рассчитывать в этих условиях на сколько-нибудь действительную поддержку со стороны бразильского правительства росту русско-бразильской торговли было невозможно. Одновременно с прениями, чинившимися организации русской линии в Южной Америке, иностранный капитал подрывал это дело и с русской стороны. Впрочем, внешне все здесь выглядело наоборот, но только внешне. Пока представители «Доброфлота» ездили в Южную Америку, интерес к этому делу проявила группа дельцов во главе с А. Г. Риком, учредившая под названием «Акционерное южнорусское пароходное общество» две новых прямых пароходных линии: Одесса—Лондон и Одесса—Южная Америка. Линию Одесса—Южная Америка предполагалось обслуживать семью товаро-пассажирскими пароходами грузоподъемностью по 7000 тонн, рассчитанными на перевозку 1500—2000 эмигрантов каждый, с отправлением от конечных пунктов раз в месяц. Маршрут из Одессы в Буэнос-Айрес предусматривал заходы в Константинополь, Пирей, Геную, Гибралтар, Сантос, Рио-де-Жанейро, Монтевидео. Эта же группа образовала особое коммерческое товарищество с отделениями и агентствами в портах захода судов общества как для исполнения различных поручений, так и для торговли за свой собственный счет. Причем, как сообщал Рик Совету съездов представителей промышленности и торговли, торговые операции обеспечены «первоклассным крупным банком, который охотно взял на себя финансирование покупок товаров».¹⁵⁴

Речь шла, по-видимому, о довольно распространенном в практике русских банков приеме, при помощи которого они обычно обходили запрещение вести торговые операции за собственный счет. Прием этот состоял в создании с этой целью зависимых от банка обществ. То обстоятельство, что «первоклассный» банк «охотно» втягивался в международные торговые операции, связанные с южноамериканской торговлей, выглядело внушительно. К тому же и Левицкий в компании с одесским дельцом Т. Я. Штейном вместо хлопот об интересах «Доброфлота» вдру

¹⁵³ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: там же, л. 42.

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 594, лл. 108, 132—133.

решил организовать собственную линию в Южную Америку и обратился к Тимащеву с просьбой передать в его распоряжение для этой цели три судна, принадлежавших «Доброфлоту», с оплатой стоимости рейсов.¹⁵⁵ Но все это были подставные лица иностранного капитала, и действия их преследовали единственную цель — не допустить создания русской пароходной линии. Как выясняется из двух писем Главной конторы РОПиТ в Одессе правлению в Петербург — первого, конфиденциального, от 21 мая 1912 г. и второго от 5 января 1913 г. — за созданным Риком пароходством стоял отнюдь не первоклассный Одесский купеческий банк, состоявший в сговоре с одесским пароходовладельцем П. П. Региром, который, в свою очередь, учредил «Русское коммерческое пароходное общество». Регир, пользовавшийся якобы поддержкой министра торговли и промышленности, претендовал на заключение с правительством договора о субсидируемых рейсах Одесса—Лондон. Сразу же после заключения такого договора банк должен был сойти со сцены и целиком уступить свое место Регире. Разумеется, сговор этот тщательно обеими сторонами маскировался. «Говоря друг о друге в обществе, — указывалось в письме главной конторы РОПиТ, — Я. А. Бродский (Купеческий банк) и П. Регир подчеркивают натянутость своих отношений, но делается это исключительно с целью замаскировать внутреннюю между собою связь».¹⁵⁶ Но главное-то заключалось в том, что ни у кого из участников этого предприятия — ни у банка, ни у Регира, ни у Рика — не было никаких судов для осуществления этих рейсов. 16 пароходов, предназначенных для обслуживания этих линий, принадлежали «негласному представителю крупных германских капиталистов» Иебсену (по национальности, очевидно, датчанину) и плавали под немецким флагом. Как только Регире удалось бы заключить договор с правительством о субсидии, они, немедленно подняв русский флаг, открыли бы рейсы по этой линии, субсидируемые русским правительством. Таким образом, сообщение России с Южной Америкой, если бы оно было установлено, и в этом случае оказалось бы в иностранных руках. Замысел этот прикрывался объявлением от имени Одесского купеческого банка об открытии рейсов в Южную Америку, которое было составлено с использованием «национальных» мотивов: в нем подчеркивалась необходимость ликвидации «комиссионных и агентских расходов, составляющих заработок иностранных фирм».¹⁵⁷ Вероятнее всего, впрочем, что агентуру иностранных фирм интересовал не столько захват в свои

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 29.

¹⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 1930, л. 39.

¹⁵⁷ Там же, лл. 39—40.

руки новой линии, сколько вообще предотвращение ее организации с целью оградить себя от какой бы то ни было конкуренции с русской стороны, которая была особенно нежелательна при том, что рейсы по этой линии могли иметь правительственную субсидию. Цель эта была достигнута, и сообщение так и не было организовано. Перевозка эмигрантов, которая продолжала оставаться важнейшей и возрастающей частью транспортного оборота между Россией и Америкой (как Северной, так и Южной) по-прежнему находилась в руках Атлантического пуля. Получая значительные прибыли от их перевозок, Атлантический пуль мог безубыточно снижать фрахты на транспортную перевозку в обратном направлении — из США в Европу — американского хлеба. А эти пониженные фрахты наряду с монопольно высокими фрахтами на перевозку русского хлеба в Европу затрудняли ему конкуренцию с американским на европейских рынках. В сентябре 1912 г., представляя на рассмотрение Совета министров законопроект об эмиграции, Министерство торговли и промышленности должно было признать, что эмигранты по-прежнему переходят границу, увлекаемые агентами иностранных пароходств в их порты. «Та же причина, — говорилось в представлении, — ставит наши мореходные предприятия в зависимость от могущественного североатлантического треста,¹⁵⁸ который и диктует им свои условия. В переводе на фрахт современная постановка дела перевозки наших выходцев означает, что зарабатывая приблизительно около 1 млн руб., наши мореходные предприятия уступают тресту от 8 до 10 млн руб. ежегодно, а если в учет ввести и выходцев, возвращающихся на родину, то еще более того».¹⁵⁹ Как мы уже говорили, было решено предоставлять льготы тем эмигрантам, которые пожелают воспользоваться судами русских пароходств в качестве нелегальных пассажиров. Но продолжая свою политику поощрения иностранного капитала, МТиП оказалось от полного запрещения иностранным предприятиям перевозки нелегальных пассажиров. А Министерство финансов сочло даже, что иностранные предприятия вовсе нельзя лишать никаких привилегий и льгот, предоставляемых русским.¹⁶⁰ Так вопрос о «поощрении национального флага» и повис в воздухе после длительной шумихи в официальных кругах и в прессе. Не удивительно, что уже незадолго до первой мировой войны глава объединения немецких пароходных компаний, входивших в мировой пуль, по сообщению газеты «День», отзывался о все еще не принятом в России законопроекте

¹⁵⁸ Атлантический пуль в литературе тех лет часто неправильно называли трестом.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 36, л. 13.

¹⁶⁰ Там же, лл. 24, 131—136.

об эмиграции как не имеющем значения: русские пароходные компании все равно-де ничего сделать не смогут.¹⁶¹

Но борьба за пароходное сообщение между Россией и Южной Америкой не утихла. Теперь в нее включились и французские пароходчики-монополисты, желавшие использовать в своих интересах борьбу с германским засильем в России. Как сообщал в Петербург агент МТиП в Париже, в декабре 1913 г. французская пароходная монополия «Компани генераль трансатлантик» («Compagnie Générale Trans-Atlantique»), поддерживавшая сообщение между Гавром и Северной Америкой и Канадой, решила взять в свои руки и сообщение между Россией и Америкой. Она намеревалась в ближайшем будущем поглотить незадолго до того учрежденную «Компани зюдатлантик» («Compagnie Sud-Atlantique»), поддерживавшую рейсы из Франции в Аргентину и Бразилию. «Компани генераль» собиралась не только сосредоточить под своим контролем все пароходные сообщения между Францией и Америкой, но и распространить этот контроль на сообщении между Россией и Америкой. Шарль Ру, главный руководитель «Компани генераль» являлся одновременно председателем предпринимательской организации французских судовладельцев «Комите сентраль дез арматерс де Франс» («Comité Central des Armateurs de France»). Эта могущественная во Франции организация с ее влиянием на правительство и в парламенте была использована для поддержки притязаний «Компани генераль». Французское правительство изъявило готовность субсидировать французскую линию между Россией и Америкой, придавая этому в переговорах с Россией стратегическое антигерманское значение. На самом же деле, как считал агент МТиП, большую роль играли конкурентные соображения французских пароходчиков, желавших отбить у германских пароходных предприятий выгодную перевозку эмигрантов, а заодно и воспользоваться слабостью русских пароход-

¹⁶¹ День, 1914, 14 февраля. Между тем за эти годы предпосылки для торговых связей возрастали, особенно в Бразилии. Русские дипломатические представители сообщали, что вывоз из Бразилии какао находится в том же положении, что и вывоз кофе, т. е. захвачен немецкими фирмами, которые препятствуют «попытке эмансипации» русской торговли, что на севере Бразилии (до тех пор в России обращали внимание на юг Бразилии) существуют возможности получения в качестве грузов в Россию для предполагаемой линии — хлопка, каучука, табака и даже кофе (письма управляющего консульством в Рио-де-Жанейро Шташника в Отдел торговли МТиП и в МИД от 30 июня/3 июля 1912 г.: ЦГАИЛ, ф. 23, оп. 11, д. 61, лл. 14—19). Кстати сказать, несколько русских инженеров принимали участие в некоторых правительственных изысканиях в малоисследованных районах страны, в Бразилии проявляли интерес к русской нефти, чтобы избавиться от зависимости от английского угля и т. д. (донесение управляющего русской миссией в Бразилии Штейна от 9/22 сентября 1912 г.: там же, лл. 21—26).

ных предприятий. Последнее обстоятельство, видимо, и послужило причиной того, что французская дипломатия возбудила этот вопрос перед русским правительством одновременно с «большими разговорами», которые происходили во французском правительстве «о деньгах для России» и о которых многозначительно упомянул товарищ морского министра Франции Ажам в беседе с русским торговым агентом. В марте 1914 г. французское посольство в России вручило специальную ноту по этому поводу Министерству иностранных дел. Вопрос ставился с французской стороны так, что русское правительство еще должно было оказать французским компаниям свое содействие. Уже во время войны, в мае—июне 1915 г., французское правительство вновь поставило этот вопрос применительно к послевоенному периоду.¹⁶² В Южную Америку была отправлена делегация сенатора Бодена, которая должна была выяснить вопрос о перенесении главного кофейного рынка в Европе из Гамбурга в Гавр. То же относилось и к другим статьям вывоза из Южной Америки. Как сообщал агент МТиП в Париже, в «заинтересованных французских кругах» думали «о занятии после войны места Германии по снабжению нас этими продуктами».¹⁶³

В планах воссоздания русского торгового флота, которые составлялись во время войны на послевоенный период, среди линий государственного значения предусматривалась и линия в Южную Америку. Уже при Временном правительстве в апреле 1917 г. совещание по мореплаванию и судостроению под председательством товарища министра торговли и промышленности Б. А. Бахметьева подтвердило это, но, естественно, что теперь уже ничего сделано не было.

Таким образом, неоднократные попытки русского правительства выйти из иностранной зависимости в вопросе о сообщении с южноамериканскими республиками потерпели неудачу, и это был один из ярких примеров того, как иностранный капитал отстаивал свои позиции в русской экономике, как колонизаторская политика империализма осуществляла подчинение международных торговых связей интересам монополистического капитала ведущих империалистических держав.

¹⁶² ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 615, лл. 3—13.

¹⁶³ Выписка из донесения агента МТиП во Франции от 17/30 июня 1915 г.: ЦГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 1930, л. 68.